

С Наталья Калинина
Секрет
черной книги

Наталья Дмитриевна Калинина

Секрет черной книги

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8686147

Эксмо;

ISBN 978-5-699-76694-9

Аннотация

Казалось, ничто не может разрушить мирное существование провинциального дома престарелых, куда Вера устроилась на работу медсестрой, ища себе убежище. Но смерть старушки и оставленное ею наследство взбудоражили старинную усадьбу и перевернули все с ног на голову. Вере угрожают, хотя девушка и сама не понимает, что именно ищут преследователи. И как раз в этот момент в ее жизни появляется странный незнакомец – еще один враг или друг?

Содержание

I	5
II	28
III	49
IV	72
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наталья Калинина

Секрет черной книги

С благодарностью докторам Мигелю Ройо Сальвадору, Марко Фиальосу, Карле Мендес Сааведра и персоналу Барселонского Института Киари, Синдромии и Сколиоза

I

Серый с темными полосками кот сидел перед белой деревянной дверью, словно раздумывая, войти или нет. «Это же комната Кузьминичны!» – подумала Вера и, зашикав и размахивая руками, бросилась бегом по коридору.

– Гаврила! – закричала, когда кот поднял лапу, чтобы толкнуть приоткрытую дверь. – Кыш отсюда! Пошел вон!

Животина лениво повернул голову, и на заостренной, как у его далеких египетских предков, морде отразилось выражение досады – будто у человека, которого вдруг отвлекли от важного дела. Вот сейчас Гаврила назло ей войдет в комнату! Но кот, лизнув поднятую лапу, развернулся и лениво потрусил по коридору прочь. Вера перевела дух, только сейчас поняв, как на самом деле перепугалась, и тихонько вошла в комнату.

Старушка лежала, вытянув поверх тонкого одеяла сухие руки. Вера на цыпочках прошла к кровати и наклонилась, прислушиваясь. От сердца отлегло: спит. Свет ночника, вопреки ожиданиям, не умалял возраста спящей, а безжалостно прибавлял ей лет, высвечивая каждую морщинку. Бело-снежно-ватные волосы обрамляли худое, с ввалившимися щеками, лицо пожилой дамы, подчеркивали желтоватые тени под закрытыми глазами. Надо попросить доктора Савельева еще раз осмотреть Валентину Кузьминичну и взять

кровь на анализы. Не нравится Вере эта желтизна кожи, которую пожилая женщина, продолжавшая и в восемьдесят лет следить за собой, днем маскировала тональным кремом «Балет»! «Деточка, кожа должна быть цвета персика, – учила Веру Кузьминична. – А вы, девонька моя, бледны. Вам нужно купить хорошие румяна и тон, обязательно персикового оттенка!» Вера улыбнулась, вспомнив советы старой дамы, и тихонько вышла в освещенный приглушенным светом коридор.

Возле двери сидел, словно дожидаясь ее, кот. Вернулся.

– Ты что здесь делаешь? А ну брысь отсюда! – сердито прошипела Вера, но, смягчившись, поманила животное: – Кис-кис, пойдем со мной! Я тебе вкусного дам. Пойдем, Гаврила!

Кот дернул ухом, словно в досаде, но лениво поднялся и побрел к медсестринской. В Гавриила, упрощенного затем до Гаврилы, его переименовал из обычного Тишки кто-то из постояльцев пансионата пару лет назад, когда за обычным с виду котом закрепилась страшная слава вестника смерти. О нем даже написали в областной газете, тем самым обеспечив заведению дополнительную рекламу. Мистики и местный светила науки ломали голову над феноменом полосатого «ангела смерти». Скептики утверждали, что ничего необычного нет в смертях уже находящихся в преклонных годах обитателей частного дома престарелых. Однако же примета, связанная с Гаврилой-Гавриилом, срабатывала как

швейцарские часы: стоило коту, обычно не заходившему в жилые комнаты, нанести визит кому-либо из стариков, как вскоре тот отбывал в мир иной. Чем руководствовался Гаврила, выбирая, к примеру, не комнату и так уже дышащего на ладан девяностолетнего старика Сидоркина, а энергичной и еще довольно крепкой семидесятилетней Петровны, оставалось загадкой. Но на следующий день пожилую даму обнаружили уснувшей вечным сном в своей аккуратной постели, а старик Сидоркин и по сей день жил и здравствовал. Распространялась примета только на обитателей дома, но никак, к счастью, не затрагивала работников: объевшись на кухне куриной требухи и сметаны, Гаврила частенько дремал под батареей в комнате персонала, а выспавшись, уходил через дверь кухни в палисадник и затем мог не появляться в пансионате сутками.

– Зачем ты его сюда привела? – нервно воскликнула Ирочка, увидев вошедшего за Верой в комнату для медсестер кота.

Ирочка была новенькой, заменяла находящуюся в декрете Попову. Недавно окончила медицинское училище и пришла в пансионат по знакомству, как и большинство из персонала: место было хлебное и элитное, «с улицы» без протекции попасть сюда было практически невозможно. Работа новой сотруднице нравилась: мерить ухоженным и чистым старикам, количество которых не превышало двенадцати, температуру и давление и раздавать им таблетки – это тебе не работать в

местной больнице или поликлинике. Но Ирочка панически боялась Гаврилы, и никакие уверения коллег, что кот «предрекает» уход только стариков, на нее не действовали.

– Он здесь отдыхает, – безапелляционно заявила Вера, прошла к холодильнику и достала из него пакет. Налив в чашку молока, поставила в микроволновку. Кот проследил за ее действиями и требовательно мяукнул.

– Если бы ты еще миску умел сам приносить, – вздохнула Вера. На кухню идти было далеко. Медсестринская располагалась на втором этаже в противоположном от лестницы конце коридора. Нужно было миновать все комнаты – по шесть с каждой стороны прохода, пройти кабинет врача и комнатки для горничных, затем спуститься на первый этаж, где располагались столовая, кабинет директрисы и комната охранников. А затем уже из столовой, занимающей целый зал, бывший когда-то бальным, спуститься на кухню. Помимо пищеблока, в полуподвале располагалась еще и прачечная.

– Будто он не может найти другого места для отдыха! – воскликнула Ирочка, с настороженностью наблюдая за тем, как Гаврила занимает место возле холодильника, куда обычно ему ставили миску.

– Ира, он появился здесь задолго до тебя и сам выбрал, где ему бывать, а где нет, – отрезала Вера, которую излишняя мнительность напарницы не забавляла, а раздражала. Сердитые нотки в ее голосе прозвучали еще и потому, что тревога по поводу Кузьминичны не утихала, а набирала обороты, как

вовремя не заглушенная таблеткой мигрень. Вера выставила чашку из микроволновки на стол и вышла в коридор.

Двухэтажный особняк, в котором располагался пансионат, еще шесть лет назад занимало отделение коммерческого банка. Затем банк закрылся, помещение с год пустовало, а потом его выкупил местный олигарх Варенников – под частную гостиницу и элитный клуб любителей рыбалки, так как красота и экологическая чистота местных озер привлекали в эти места отдыхающих. Но в последний момент, когда ремонт подходил к концу, олигарх передумал. Поговаривали, что его так достала советами и поучениями собственная матушка, что богач задумал отселить ее куда-нибудь от себя подальше. Пожилая дама положила глаз на дом, в котором в стародавние времена располагалась летняя усадьба помещика Ягодина. На старости лет мадам Варенникова, в чьих жилах текла рабоче-крестьянская кровь без малейших примесей, вбила себе в увенчанную седым пучком голову, что она на самом деле происходит из графского рода. По прихоти матери олигарха была составлена длинная родословная и нарисован семейный герб. Но для полного графского счастья мадам Варенниковой не хватало особняка. Ее сыну ничего не оставалось, как отписать особняк ей, а для клуба подыскать другое помещение. Сухонькая старушка с выправкой балерины и надменным лицом классической гувернантки, облаченная в меха и обвешанная, как елка, золотом и бриллиантами, стала первой постоялицей этого пансионата, то-

гда еще не являвшегося домом престарелых. Дама пожелала жить под наблюдением врача и медсестер (у старушки пошаливало сердце), а еще ей, естественно, требовались горничные, повар и садовник. Персонал, совершенно необходимый для аристократской жизни, был тщательно подобран. Мадам даже занялась организацией первого бала, но не успела завершить его подготовку: в прессе появилось сообщение, что мадам Варенникова скончалась. Ее сын не стал распускать персонал и организовал в особняке пансионат для стариков. Вера пришла на работу сюда четыре года назад, вскоре после тех событий. Благодаря стараниям все того же Варенникова слава и элитного пансионата, и самого поселка как отличного места для загородного отдыха достигла столицы. Организованный олигархом клуб любителей рыбалки (членство в котором было по карману лишь людям весьма состоятельным) пользовался успехом у столичных и местных богачей, и отстроенная в деревенском стиле, но начиненная всеми современными удобствами гостиница не пустовала даже зимой. Но при этом в поселке, похожем на окруженный лесами и чистыми природными озерами островок, сохранялась необходимая для желающих отдохнуть от столичной суеты атмосфера тишины и покоя.

Вера прошла по коридору второго этажа к лестнице. Дверь рядом вела на широкий, похожий на театральную ложу, балкон, где старики в теплые деньки, сидя в расставленных полукругом плетеных креслах, дышали воздухом и при-

нимали солнечные ванны. Ей вдруг показалось, что с балкона потянуло ночным ветерком. Вера плотнее прикрыла дверь и спустилась на кухню. После того как кот насытится, блюдечко нужно обязательно вернуть на место: повариха Варвара всегда ругалась, если оно исчезало, хоть и знала, где его искать. Варвара редко покидала свои владения: подниматься на второй этаж ей было тяжело из-за тучности и одышки. Поэтому повариха ввела правило: после кормежки Гаврилы его блюдеце обязательно спускать обратно на кухню. Нарушение правила каралось жестко: Варвара лишала обе смены – дневную и ночную – своих вкусных пирожков или булочек. Просто не выдавала дневному персоналу к обеду пирожки и «забывала» оставить для тех, кто будет работать ночью, тарелку с выпечкой, заботливо прикрытую салфеткой. «Проще завести миску для молока в нашей комнате», – в какой раз уже подумала Вера, зная, что из этой затеи ничего не выйдет. Кошачьи миски из медсестринской исчезали уже на второй день: в ночную смену их прятала Ирочка, а в дневную убирал доктор Савельев, любивший пить чай в комнате для медсестер, но не выносивший кошачьего общества из-за аллергии.

Вера с миской в руках поднялась на свой этаж и вдруг заметила в приглушенном свете ламп в противоположном конце по коридора какого-то мужчину. В первый момент она приняла его за одного из стариков. Но шел мужчина по коридору не шаркающей стариковской походкой, а крадучись, будто по-кошачьи.

– Эй! – громко окликнула его она. Как этот незнакомец прошел мимо бдительных охранников? – Кто вы? Что вам тут нужно?

Мужчина не обратил на нее внимания, вошел в дверь, ведущую в спальню Кузьминичны, и пропал. В первую очередь думая о постоялице, а не о собственной безопасности, Вера кинулась бегом по коридору и распахнула дверь комнаты.

– Что вам здесь нужно?! – грозно повторила она вопрос, увидев, что незнакомец склонился над старушкой. Он медленно повернул голову на оклик, и ее внезапно захлестнула волна ужаса: лицо ей увиделось без бровей, с двумя дырочками на месте носа и с пустыми глазницами. Вера вскрикнула и выскочила в коридор, инстинктивно захлопнув за собой дверь. И снова закричала, уже зовя на помощь. На крик прибежала Ирочка, а следом за нею по коридору тяжело затопали охранники. Обитатели комнат тоже проснулись, уже скорей не от крика Веры, а от шума, производимого бегущими тяжеловесными охранниками, и высыпали из комнат. Даже кот Гаврила вышел в коридор, потянул ноздрями воздух, улавливая лишь ему ведомые запахи, и вдруг издал громкий, похожий на сирену вой. Вера, увидев, что помощь подспевает, замахала руками, требуя, чтобы старики зашли в свои спальни, и подхватила разнервничавшуюся животину на руки. Но Гаврила вывернулся, спрыгнул на пол, оцарапав ей запястье, и, скосив набок хвост, прыжками ускакал к выходу.

– Там, в комнате, – слабо махнула рукой Вера, не решаясь

открыть дверь. Один из охранников вошел в спальню. Следом за ним отправился и его напарник. Но, не задержавшись в комнате, мужчины вышли обратно:

– Там никого нет. Что случилось?

– Как нет? – не поверила Вера. Из комнаты никто не выходил.

– Ну, старуха спит.

– Это странно, что спит! – воскликнула Вера. Как можно было не проснуться от того шума, что она тут устроила? Тем более что Кузьминична всегда спала очень чутко. Встревожившись, Вера сама зашла в комнату и убедилась: все именно так, как ей описали, в спальне никого, кроме хозяйки, не было. Она склонилась над кроватью, прислушиваясь, и на самом деле различила тихое сопение. Невероятно! Поиск в шкафу и под кроватью тоже ни к чему не привел. Никого. Не в форточку же испарился тот, кого она тут застучала!

– Ну, так что? – спросил нетерпеливо второй охранник. Оба были похожи, словно братья-близнецы: одного роста и сложения, бритые, с квадратными челюстями. Вера звала их про себя «двое из ларца».

– Обыщите все! – скомандовала она, находясь в состоянии, близком к истерике. Та страшная рожа, которую ей довелось увидеть, так и стояла перед глазами. Не привиделось же ей это, в самом деле!

– Да кого искать?! – хором удивились «двое из ларца» и одинаково поскребли пятернями в затылках. – Вы не ска-

зали, что случилось.

Вера, вздохнув, кратко объяснила. Охранники выслушали ее с невозмутимыми лицами, Ирочка же – открыв рот от удивления. Вера закончила рассказ и увидела, что старики опять вышли из спален. Кто-то прислушивался, по-черепаши вытянув морщинистую шею. Кто-то – приложив руку к уху. А кто-то слушал стеснительно из-за двери, делая вид, что ему не любопытно. «Устроила тут развлечение. Теперь судачить будут долго», – с раздражением подумала Вера, но, улыбнувшись старикам, жестом попросила их вернуться в комнаты.

– Хорошо, мы посмотрим, – согласился один из охранников, но по его тону было заметно, что просьбу Веры он принял за блажь. Нет тут никого и не было, показалось девице!

– Я вызову доктора Савельева, пусть осмотрит Кузьминичну, – сказала Вера, направляясь в медсестринскую к телефону.

– А до утра подождать нельзя? – робко спросила Ирочка, семеня следом.

– Нельзя, – отрезала Вера и сунула миску ей в руки. – На, отнеси обратно на кухню. Гаврила, похоже, сбежал.

* * *

Девушка была мертва. Безднадежно мертва. Лицо ее, молодое и симпатичное при жизни, сейчас обезображивала

жуткая гримаса, словно перед смертью несчастная увидела нечто ужасное. Возможно, от увиденного она пыталась отбиться или отгородиться: одна рука с растопыренными пальцами была вытянута вперед, другая – прижата к груди. Темный балахон, накинутый прямо на обнаженное тело, распахнулся, являя жадным взглядам столпившихся возле тела четырех мужчин молочную белизну груди и живота. В руках у троих было по фонарику. Четвертый же стоял, сложив руки на груди. Похоже, смерть несчастная приняла на коленях: тело ее после того, как сердце остановилось, завалилось набок, а ноги так и остались согнутыми. А может, она уже лежала, когда умирала, а колени просто подтянула к груди, «закрываясь» от того, что ее напугало до смерти.

– Что с ней делать? – спросил один из мужчин и носком тяжелого ботинка поддел хрупкую девичью кисть, выглядывающую из широкого рукава балахона, словно перед ним лежало не остывающее тело, а сломанный манекен.

– Будто не знаете, – поморщившись, словно от боли, ответил ему другой мужчина, тот, что без фонарика. В этой компании он казался воробьем в стае воронов, причем белым. Трое из его коллег были похожи друг на друга, словно братья: одинаково высоченные, широкоплечие, коротко стриженные, одетые в черные футболки и камуфляж. Четвертый же едва доходил своим спутникам до плеча и обладал совершенно неспортивным сложением: щуплый, с длинным и узким, как у ласки, телом и короткими ногами. Но, без со-

мнения, он тут был главным: об этом говорила и его поза, и застывшее на вытянутом лице выражение высокомерия, и одежда: летний костюм, цветастый шейный платок и пижонские светлые туфли с острыми носами. Но даже элегантный костюм и дорогие туфли ничуть не смягчали его непривлекательности. Мужчина родился альбиносом: кожа его была лишена розового подтона, ресницы и брови словно отсутствовали, глаза казались белыми, словно вываренные пуговицы. Жидкие бесцветные волосы он зачесывал назад, открывая и без того широкий и плоский лоб. Единственным ярким пятном был шейный платок, который, с одной стороны, отвлекал внимание от непривлекательной внешности хозяина, но с другой – подчеркивал ее бесцветность.

– Приберите здесь, – брезгливо подняв верхнюю губу, командовал он и обвел маленькой, словно женской, рукой то ли подвал, то ли гараж, используемый не по назначению. Кирпичные стены, стол, сложенный из каменных плит, на нем раскрытая книга и чашка, на дне которой плескалось что-то темное, по периметру расставлены черные свечи – и больше ничего здесь не было. Двое мужчин, выполняя приказ, присели над телом девушки и принялись заворачивать его в балахон, третий затушил свечи на столе и собрал их.

– Нож не забудьте, – сказал альбинос, выуживая из кармана мобильный телефон.

Тот, который собирал свечи, осветил фонарем вокруг себя и обнаружил валяющийся под столом тонкий нож с загну-

тым острием и костяной, разрисованной какими-то знаками ручкой. Он аккуратно поднял его и вытер лезвие о балахон девушки.

– Да, – сказал в это время альбинос по телефону. – Она мертва.

Послушал, что ему ответили, и кивнул, словно собеседник мог его видеть.

– Хорошо. Я распоряжусь. Да, так и будет. Книгу я привезу сам.

Не успел он убрать телефон, как тот вновь зазвонил. Альбинос бросил взгляд на монитор и сделал своим спутникам знак, чтобы те не шумели.

– Да, говорите!

Выслушав сообщение, он отключил телефон и сунул его в карман.

– Разберитесь здесь без меня. Мне нужно ехать.

– Вас сопроводить? – спросил его один из мужчин.

– Не нужно. Я сам. Займитесь ею. – Альбинос бесцеремонно ткнул носком туфли в бок девушки. – И чтобы без шума.

– Будет сделано.

– Книгу я забираю.

Он подошел к столу и почтительно закрыл толстый том. Провел ладонью по нему, ощущая под пальцами остывающую кожу переплета, будто книга до недавнего времени тоже была живой, а сейчас умирала на ледяной каменной поверх-

ности. Вынув из кармана сложенный в несколько раз квадратный отрез ткани, бережно завернул книгу и взял ее подмышку. Затем открыл тяжелую металлическую дверь и вышел в ночь, уже начинающую растворяться в подступающем рассвете.

* * *

– Ты мне не веришь? – спросила Вера.

– Ну почему же... – уклончиво ответил Савельев, подходя к рукомойнику. Девушка невольно задержала взгляд на его спине, облаченной не в привычный белый халат, а в летнюю рубашку, и не столько увидела, сколько представила себе, как доктор тщательно промывает каждый палец: пунктиком Савельева была чистота, переходящая в стерильность. После мытья рук мылом он еще обрабатывал их спиртосодержащим гелем.

– Вера, ты сама, думаю, понимаешь, как странно эта история звучит, – сказал доктор, оборачиваясь к ней и промокая руки сорванным с крючка свежим полотенцем. Его слова отозвались в душе Веры неприятным уколом: произнеся, что история «звучит», а не «выглядит», Дмитрий Васильевич тем самым невольно или умышленно свел в своем понимании все случившееся к Вериной выдумке. История, рассказанная ею, а не увиденная другими свидетелями.

– Понимаю, – вздохнула она. – Но я не выдумываю.

– Да уж, ты у нас обладаешь патологической честностью, – усмехнулся Савельев то ли насмешливо, то ли чуть снисходительно. – А вот скрывать – еще как умеешь. Прямо шка-тулка с секретом, а не девушка.

– Так что ты скажешь обо всем этом? – вернулась Вера к первоначальной теме. – Кузьминична точно в порядке? Похоже, она так и не поняла, что что-то произошло.

– В порядке, – нехотя выдавил доктор, потому что не находил причин для беспокойства. – Голуба моя, зря ты так растревожилась.

– Мы за стариков отвечаем, – напомнила строго Вера. – Ты уж осмотри, пожалуйста, Кузьминичну еще раз завтра. Не нравится мне цвет ее лица.

– Мадам у нас с тональным кремом перемудрила, – отшутился Савельев. И, увидев, как нахмурились брови Веры, поспешно произнес: – Ладно, ладно, будь спокойна. Осмотрю ее. Только уже утром. Лады? А сейчас, моя хорошая, с твоего позволения вернусь я домой и досплю остаток ночи. Справитесь без меня?

Вера обиженно дернула плечом: когда это они не справились?

– Ну, тогда спокойного дежурства, – кивнул Савельев и снял с вешалки пиджак.

Время до утра прошло без происшествий. Только разбу-женная таинственным происшествием старуха Потапова так и не смогла больше уснуть и дважды вызывала медсестер по-

мерить давление («а то, как пить дать, вскочило, окаянное!») и дать ей таблетку от головной боли. Да еще раз заглянули в медсестринскую охранники – справились, все ли в порядке. Ирочка порывалась поговорить о ночном происшествии, но Вера не поддержала тему и увела разговор в другое русло. Напарница посопела от недовольства, но, видимо, успокоила себя тем, что еще может пересказать события своей дневной сменщице Алевтине, охочей до слухов и сплетен. А иначе как еще объяснить то, что она отказалась от Вериного предложения подвезти ее до дома и под каким-то предлогом задержалась?

Вера попрощалась со встретившимися ей в коридоре проснувшимися стариками, уже совершавшими свой привычный моцион, и наконец-то покинула здание. Сегодняшняя смена ей показалась очень длинной, она чувствовала непривычную усталость и желание как можно скорей оказаться дома и нырнуть в постель. Задержавшись на крыльце, полной грудью вдохнула еле уловимые запахи озерной свежести и скошенной травы. В этот ранний час воздух – прохладный, тяжелый от влаги – был особенно вкусен. Солнце только начинало свое восхождение на темно-синее небо с бело-розовой росписью тонких облачков. Большая часть его еще утопала в озере, а другая отражалась в темных, чуть подсвеченных лучами водах, как в зеркале. Видимая часть солнца «соединялась» с отражаемой, и создавалась иллюзия, что оно не круглое, а продолговатое, как ташкентская дыня.

Звонкое чириканье птишек добавляло пасторали в эту картину, и Вера подумала, не пройтись ли ей. Летом она иногда так делала: оставляла машину на стоянке и возвращалась домой пешком. Дорога занимала сорок минут и бодрила лучше умывания колодезной водой. После таких прогулок Вера потом еще не сразу укладывалась спать, неторопливо завтракала, занималась домашними делами, готовила себе заранее ужин. Вот и сейчас мелькнула соблазнительная мысль прогуляться, но, едва не поддавшись порыву, она разумно рассудила, что после ночного события, переполошившего обитателей пансионата, лучше поскорей вернуться домой и как следует отдохнуть.

Маленький «Пежо», блестящий каплями росы на синих боках, приветливо мигнул фарами, когда хозяйка нажала на кнопку на брелоке. Вера погрузилась в удобное кресло, вдохнула знакомый запах травяного освежителя и только сейчас в полной мере осознала, как устала. Нет, хорошо, что не отправилась пешком. За рулем бы не заснуть! Она включила радио и вырулила со стоянки. Привычный путь ей показался бесконечным, усталость сковывала по рукам и ногам, мысли путались, не помогала даже бодрящая музыка. Казалось, прошел целый час до того момента, когда она наконец припарковала машину на обочине размытой недавними дождями дороги. На деревянном заборе сидел соседский кот Борька и сосредоточенно вылизывал лапу. На секунду отвлекшись от своего занятия, он проводил девушку равнодушным взглядом

и принялся умывать себя лапкой уже за ухом. Вера поприветствовала Борьку, как привыкла делать при встрече с ним, и толкнула скрипучую калитку. Пересекая небольшой земляной дворик, она подумала, что надо снять яблоки с пригнувшихся под тяжестью плодов ветвей и отнести урожай к соседке: пусть из одной части сварит повидло, а другую пустит на компоты. Эта небольшая яблонька, сорта которой Вера не знала, плодоносящая через год кисловатыми яблоками с желто-зеленой кожицей, оказалась единственным выжившим деревом на всем участке. Хозяйство простояло в полном запустении не один год. Вере повезло купить его еще до того, как цены на землю в этих местах подскочили до высот небоскребов. Дом достался ей с разрушенным крыльцом и прохудившейся крышей, и в ремонт его пришлось вложить едва ли не стоимость покупки. Но зато потом, со свежесрубленным крыльцом, перекрытой крышей, отмытыми окнами, выкрашенный в солнечный цвет, он казался новым.

Вера перешагнула порог и вдохнула привычные запахи мяты и чабреца, смешанные с кофейным духом. Она невольно улыбнулась от радости и мысленно поблагодарила Хозяина – домового, в которого верила, за хранимый уют. Наконец-то у нее есть собственная гавань, наконец-то корабль ее жизни, так долго метавшийся в бушующем океане, разбитый о рифы, с потрепанными парусами, пришвартовался у дружелюбного острова. Ее больше не интересуют неизведанные берега, она устала от штормов и путешествий по сломанно-

му компасу. Это счастье, что островок ее новой жизни так надежно спрятан за скалами, что никакие ветра – ни ураган-ные из прошлого, ни сулящие перемены бризы – здесь не беспокоят.

Дом был небольшим: всего две комнаты – гостиная и спальня. Дверь вела не в прихожую, а сразу в большую комнату, отделенную от маленькой кухни перегородкой. Через спальню был вход в ванную, совмещенную с санузлом. Но дом большего размера ей и не нужен был: в более просторном помещении Вера ощущала бы не уют, а пустоту, которую принялась бы заставлять ненужными вещами. А ненужные вещи она не любила еще больше, чем пустоту.

С каким удовольствием она возрождала к жизни этот умирающий в запустении дом! Вначале разобрала кучи хлама, выбросила старую мебель, оставив только большой старинный сундук, который теперь украшал гостиную. Деревянный пол отскребли от бурой, напоминающей цветом засохшую кровь, краски, и Вера сама покрыла прозрачным лаком отциклеванные половицы. Затем отмыла стены от грязи и жира, тщательно проветрила комнаты и развесила под деревянными балками мешочки с сушеными ароматными травами.

Когда дом был отремонтирован, занялась участком. Один из соседей за небольшую плату выкорчевал три засохших плодовых дерева. Вера выполола сорняки и разбила маленький огород: зелень, лук, морковь. А оставшуюся часть земли засадила газонной травой и цветами. И потом приня-

лась обставлять дом. Предметы обихода подбирала с особой тщательностью, долго разыскивая по магазинам и ярмаркам грубые «деревенские» стулья и стол. Ей даже удалось купить узкую лавку, которую она поставила в гостиной вдоль стены и покрыла длинным домотканым полотенцем. На окна Вера повесила нарядные занавески, приобретенные тоже на ярмарке. В кухонном шкафчике поселились подобранные по цвету и стилю тарелки и пиалы различных размеров и в тон им – чашки с блюдцами. На деревянных полках вдоль стены в маленьких и больших круглых баночках находились специи и крупы, на полках разделочного стола за дверцами прятались банки с вареньями и соленьями, которые Вера получала либо в дар от балующих ее соседок, либо покупала на рынке.

По соседству проживали две старушки, с которыми Вера водила дружбу. Соседки нередко заходили к ней то давление померить, то сделать укол, а то и просто развеять одиночество (мужья обеих давно ушли в мир иной, а дети проживали в столице). Зная, что Вера работает в ночную смену, старушки не беспокоили ее по утрам, если заходили, то уже во второй половине дня. Но иногда приветствовали, когда она возвращалась с работы, так как частенько уже с утра пораньше ковырялись в своих огородах.

Вера торопливо приняла душ и, мечтая об отдыхе, нырнула в прохладную постель. Но, видимо, пережитое минувшей ночью наложило отпечаток на ее сны, и ей впервые с тех пор,

как она поселилась здесь, привиделся кошмар.

Она стояла напротив церкви и рассматривала расположенный над высокой арочной дверью каменный крест. И площадь с разбитой подковами брусчаткой, и каменные дома с узкими вытянутыми оконцами, и мрачная церковь, хмуро взиравшая на площадь мутными стеклами, и торопливо процокавшая башмаками мимо незнакомая женщина в глухо застегнутом на все пуговицы длинном платье – все это оказалось непривычным, чужим, незнакомым. Что это за место? Почему она здесь? Ее кто-то ждет? Чувство тревоги, трансформирующейся в страх, сдавило горло так, что Вера коснулась шеи, желая расцепить душасщие ее невидимые ладони. Она перевела взгляд на высокую лестницу, ведущую к открытой двери церкви, но так и не решилась сделать шаг. Ее там ждут, но идти ей туда нельзя: спасение, за которым она сюда пришла, обратится для нее погибелью. Ей захотелось повернуть назад, но ноги будто приросли к брусчатке. А дверь тем временем с глухим стоном, тяжело и медленно, начала открываться. На крыльцо упала тень того, кто, не дождавшись Веры, решил сам выйти ей навстречу. Чувство опасности накрыло ее так остро, что она сумела справиться с оцепенением. Сбежать, пока не поздно! Перебежать площадь, скрыться в узком проеме между двумя домами, уйти отсюда петляющими закоулками! Она развернулась, чтобы бежать, и в этот момент, словно подавая сигнал тревоги, из-под небес раздался гул – такой раскатистый, что Вера от

неожиданности втянула голову в плечи и закрыла ладонями уши. Сочный гул, издаваемый церковным колоколом, сотряс воздух, накрыл площадь невидимым куполом, а Вере показалось, что это упала прозрачная сеть, берущая ее в плен. Не отнимая ладоней от ушей, она боязливо подняла голову, чтобы взглянуть на раскачивающийся колокол, и увидела, как из-за колокольни вырвался всполох черного дыма, завертелся вихрем, и резонирующий гул потонул в хлопающем шуме и пронзительном крике. И только когда вихрь взорвался салютом, рассыпался на отдельные черные «кляксы», залепившие небо, Вера поняла, что это были потревоженные боем колокола вороны. А может, гул и не встревожил их, а дал сигнал им, как стражникам, потому что птицы закружили прямо над ней, спускаясь все ниже и ниже, то сходясь в живой смерч, то опять рассыпаясь на кляксы. И вдруг, словно некто подстрелил их из множества орудий, вороны посыпались на землю. Вера присела и прикрыла голову руками. А мертвые птицы все сыпались и сыпались с тревожно гудящего неба и били ее по плечам, рукам, голове. Казалось, это продолжалось вечно. И когда наконец-то наступила тишина, Вера не сразу поняла, что все закончилось. Боязливо приоткрыв глаза, увидела рядом с собой не мертвую птицу, а какой-то листок. Она машинально протянула к нему руку, но, перевернув изображением вверх, с криком отбросила. Листок оказался фотографией, выдававшей ее тайну. Вера огляделась и увидела, что вся площадь усеяна бумага-

ми. В панике она вскочила с места и бросилась собирать обличающие ее снимки. Из домов, хлопая дверями, выходили люди, поднимали фотографии, рассматривали их, косились на Веру, перешептывались, показывали пальцами. А затем, будто сговорившись, начали приближаться, сужая круг, в котором она уже не металась, а стояла, понуро опустив голову и ожидая расправы.

II

Вера проснулась от собственного крика в тот момент, когда толпа людей обступила ее плотным кольцом. Она рывком села на кровати и ладонью вытерла взмокший лоб. В голове до сих пор раздавался колокольный гул. Вера поморщилась и спустила ноги с кровати, чтобы сходить за таблеткой, заглушить надвигающуюся мигрень. Давно с нею такого не случалось – и кошмары, и мигрень.

Настенные часы с кукушкой показывали только половину одиннадцатого, но кошмар прогнал усталость и сонливость, взбодрил, будто ледяной душ. Вера набрала в электрический чайник воды и прямо в халате вышла во двор сорвать пару мятных листочков. Она любила чай с ароматными травами и специально выращивала их на небольшом участке в огороде.

– Вер, а ты чего, не отдыхаешь что ли? – крикнула ей через забор соседка баба Шура и заулыбалась металлическими коронками.

– А я уже, – приветливо улыбнулась Вера в ответ. – Хотите зайти? Я чайник поставила, сейчас заварю чаю с мятой.

– Зайду, – не стала ломаться соседка и подошла к низенькому сетчатому забору, разделявшему два участка. – Давление померяешь?

– Конечно!

– Яблоки надо бы снять, – заметила баба Шура, внима-

тельным взглядом окидывая перевешенные через забор ветви яблони, на которых желтели сочные плоды. – А то попадают и попортытся. Хочешь, наварю тебе повидлы?

– Хотела об этом попросить вас, – призналась Вера. – Я вам заплачу...

– Опять ты за свое! – возмущенно замахала руками соседка и сердито нахмурила брови. – Сколько раз говорила: не предлагай мне деньги! Мне варить-то в удовольствие! А еще больше удовольствия видеть, как ты мою повидлу на хлеб мажешь и ешь! Все мечтаю откормить тебя, а то вон – кожа да кости! Куда это годится?

Баба Шура привычно возмущалась, отказываясь признавать, и что в моде сейчас куда более худосочные девушки, чем в ее времена, и что у Веры просто такое сложение. Но девушка удержалась от спора: повидло у бабы Шуры получалось что надо – прозрачного янтарного цвета, густое, в меру сладкое и ароматное. Ломоть деревенского хлеба с повидлом и чай с душистыми травами – нет завтрака вкуснее.

– Тогда я сахар принесу, – предложила Вера, и баба Шура на этот раз не стала возражать.

Соседка пообещала заглянуть через четверть часа, и Вера, нащипав мятных листочков, вернулась в дом готовить угощение. Баба Шура любила пить чай с карамельками, и специально для нее девушка покупала в местной лавке «Гусиные лапки» и «Клубнику со сливками». Другая соседка, Зинаида Михайловна, сладкое, наоборот, не жаловала, но не

отказывалась от соленых крекеров с сыром. Для нее всегда была припасена пачка печенья.

Когда Вера заливала чайные листья кипятком, раздался звонок мобильного телефона. На дисплее высветился рабочий номер.

– Я тебя разбудила? – раздался в трубке голос Алевтины, медсестры из дневной смены.

– Я не сплю. Что-то случилось?

– Нет, ничего такого особого, как ночью... – В этой заминке явственно послышался жадный интерес напарницы к ночным событиям. Алевтина даже сделала долгую паузу, надеясь, что Вера лично перескажет ей происшествие, но девушка молчаливо выжидала.

– В общем, Кузьминична тебя срочно к себе запросила! – сказала напарница, не скрывая разочарования в голосе.

– Кузьминична? Ей плохо? – встревожилась Вера. Ох, видимо, Савельев проигнорировал-таки ее ночную просьбу осмотреть старушку.

– Да нет, в общем, не плохо... Перед этим она еще какого-то мужчину к себе вызывала и долго разговаривала с ним. А теперь тебя запросила. Я уж и так, и сяк пыталась ее уговорить, что можно и потерпеть до твоей смены. А она на своем настаивает, говорит, дело срочное и до вечера не дождется!

– Кто не дождется? – не поняла Вера. – Дело или Кузьминична?

– Дело, я так поняла. Ну? Что мне ей сказать? Что ты

спишь с отключенным мобильником и я не дозвонилась?

– Скажи, что буду через полчаса, а то и меньше.

– Вер, да ты что! Это ж стариковские причуды! – удивилась-возмутилась Алевтина. – Наверняка ради какой-то глупости тебя вызывает. Подождет до вечера, ничего с ней не станет.

– Скажи, что я приеду, – отрезала Вера и отключила вызов.

Сборы заняли не больше десяти минут: умыться лицо, махнуть по коротким волосам расческой, переодеться в джинсы и блузу, взять ключи от дома и машины. Уходя, Вера с сожалением покосилась на стоявший на плотной вышитой салфетке заварочный чайник: позавтракать так и не удалось, но ничего, наверняка дело, ради которого ее вызвали, не займет много времени.

– Баб Шур! – крикнула Вера через забор. – Меня на работу вызвали! Буду позже. Я вам покричу, когда вернусь.

– Вот же ж неугомонные, – проворчала соседка, выныривая из грядок и обтирая лоб тыльной стороной ладони. – Со всем девчонке отдохнуть не дают. За меня не беспокойся, я могу и завтра прийти, не так уж страшно. Вишь, опять копошусь в огороде...

– Вы с вашим давлением-то не шибко!

– Да что мне делается! – отмахнулась баба Шура.

Когда Вера подъехала к служебной стоянке перед пансионатом, ночные охранники уже сменились, и Вера на ходу

поздоровалась с выглянувшим из комнатки парнем. Интересно, дневная смена знает о ночном происшествии? Она скользнула изучающим взглядом по невозмутимому лицу охранника. Ладно, не важно. Что же от нее понадобилось Кузьминичне? Тревога нарастала с каждым шагом, и лестница, которую обычно Вера преодолевала в два счета, показалась высотой до небес.

Дверь оказалась приоткрытой, Вера постучала для порядка и вошла. Пожилая дама сидела на застеленной кровати, вытянув на покрывале обтянутые плотными чулками ноги. Одета Кузьминична была в синее шерстяное платье со старомодным белым кружевным воротничком. Старушка никогда не носила халатов и спортивных костюмов, ее можно было застать в шелковом пеньюаре поверх длинной ночной рубашки – поздним вечером – и обязательно в платье – в дневное время суток. Но сегодня в ее облике было что-то особо торжественное. Вера невольно замерла на пороге, окидывая взглядом прическу и накрашенное лицо Кузьминичны в желании понять, что же это, но ее внимание тут же переключилось на лежащего на коленях старушки кота. Увенчанные кольцами и перстнями артритные пальцы Кузьминичны ласково почесывали его за ушком, и Гаврила громко, как мини-трактор, рокотал от удовольствия. Идиллическая картинка, если бы не страшная слава Гаврилы. «А ведь он уже пытался пробраться сюда накануне», – подумала Вера.

– Верочка, я вас жду! – ласково улыбнулась пожилая да-

ма и махнула ей рукой, приглашая присесть на стул рядом с кроватью. – Спасибо за то, что приехали!

– Я не могла не приехать, – пробормотала Вера, не сводя взгляда с довольно урчавшего кота.

– Вас, видимо, разбудили, – виновато склонила голову набок Валентина Кузьминична.

– Я не спала.

Старушка сделала паузу, переводя взгляд на кота, и какое-то время в комнате раздавалось лишь рокотание, убаюкивающее, как колыбельная. «Затянул песенку смерти», – в отчаянии подумала Вера.

– А меня вот кто сегодня навестил, – словно прочитала ее мысли Валентина Кузьминична. И Вера наконец поняла, что показалось ей торжественным в облике старушки: готовность отправиться в новый путь.

– Не буду утомлять долгими разговорами, у вас и так была непростая ночь... А скоро новая смена. Надеюсь, вы еще успеете отдохнуть. Стариковская причуда: захотелось увидеться с вами еще раз.

«Да она никак прощается со мной!» – ужаснулась Вера. Выглядела Кузьминична сейчас на редкость хорошо, не похоже было на то, что ее сегодня тревожили болезни. Но, похоже, визит Гаврилы старушка приняла за знак.

– Как-то вы странно говорите, Валентина Кузьминична! – нарочито бодрым тоном провозгласила Вера, вставая со стула и протягивая руки к недовольно зыркнувшему на нее Гав-

риле с тем, чтобы выпроводить его из комнаты. Кузьминична отдала ей кота, хоть ее ладонь и скользнула по его шерстке с сожалением. Гаврила недовольно мяукнул, когда Вера поднесла его к двери, и, задрав хвост трубой, с достоинством удалился.

– Видимо, вас напугал кот, – продолжала беззаботно рассуждать Вера, возвращаясь на место.

– Ну что вы, как меня может напугать этот чудесный кот? – возмутилась пожилая дама и улыбнулась краешками губ. – Знаете, Верочка, мне кажется, вы с ним чем-то похожи.

– С кем?! – воскликнула Вера. Получилось слишком громко и испуганно. Она тут же смущенно покраснела и мысленно отругала себя: ну что она как маленькая. Кузьминична, скорей всего, имела в виду совершенно другое.

– С Гаврилой. Есть что-то в вас обоих такое... особенное, – сказала старушка и посмотрела на Веру так внимательно, будто знала о ней куда больше, чем Вера предполагала. Да нет, вряд ли. Откуда?

– Гаврила у нас и правда особенный, а я – так, обыкновенная, – улыбнулась, стараясь сгладить неловкость, Вера, но спохватилась, что сказала что-то не то.

– Деточка, – опередила ее Кузьминична. – Того, что суждено, не избежать, как бы вам этого ни желалось. А рано или поздно мы, старики, все покинем это заведение, и, к сожалению, уже лишь в одном случае. Впрочем, зачем сожалеть? У

каждого из нас за плечами слишком долгий путь.

Не нравилось все это Вере, очень не нравилось. Кузьминична обычно острила, несерьезно капризничала, кокетничала или учила Веру «женским премудростям», но не пускалась в философские размышления.

– Я попросила доктора Савельева осмотреть вас. Сегодня же.

– Ах, детка, зачем эти напрасные хлопоты! – взмахнула рукой так, что засверкали самоцветами камни в перстнях, Кузьминична. – Я прекрасно себя чувствую! Зачем отвлекать от насущных дел этого чудесного мужчину?

– Это прекрасно, что прекрасно! – улыбнулась Вера. – Но все же пусть вас осмотрит.

– Ну, пусть, раз ему больше нечем заняться, – по-стариковски проворчала Кузьминична. Ее руки, после того как Вера выпроводила кота, сейчас не могли найти себе занятие. Они то начинали расправлять и без того аккуратно разложенный подол платья, то комкали его, то разглаживали уже покрывало, выдавая нервозность при видимой невозмутимости пожилой дамы. Видимо, Валентина Кузьминична это тоже поняла, потому что встала и подошла к столику возле окна, на котором стоял электрический чайник.

– Выпьете со мною чаю?

Вера кивнула.

– Вы – лучик солнца, – неожиданно произнесла старушка. – Захотелось еще раз вами полюбоваться.

– Валентина Кузьминична, я рассержусь! Мне не нравится то, что вы говорите. Если желаете, я выпью с вами чаю, но тему мы сменим.

– Вы не понимаете, деточка... Вернее, понимаете, но не желаете принимать. Ну, хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему.

В две чашки опустились пакетики заварки, Валентина Кузьминична разлила кипяток, распечатала пачку печенья и кивком головы пригласила Веру. Гостя подвинула к столику кресло и, для себя, стул и присела.

– Сахара нет. Как вы знаете, я пью несладкий чай. Ваш эскулап запретил, – лукаво улыбнулась хозяйка. – Впрочем, правильно, от сахара один вред! Хотя жизнь сама по себе вредна, так зачем отказываться от маленьких слабостей? Я вот всю жизнь отказывалась, а сейчас подумала... Впрочем, какое это уже имеет значение? Деточка, может, выпьем чаю с сахаром?

– Я сейчас принесу, – поняла намек Вера и встала, чтобы сходить в медсестринскую.

В коридоре ей никто не встретился: старики в это время прогуливались в садике, совершая предобеденный моцион. В комнате для персонала тоже никого не оказалось, но недавнее присутствие Алевтины выдавал лежащий на столе свежий номер «Космополитена». Вера открыла шкафчик, сняла с полки коробку с кусочками сахара и поспешила ретироваться.

– Верочка, вас очень напугало это ночное происшествие? – спросила вдруг Валентина Кузьминична, когда они уже сидели за столиком и прихлебывали горячий чай. Вера посмотрела внимательно на собеседницу, пытаясь по ее лицу понять, что ею больше двигает – любопытство или искреннее беспокойство. Но прочитав истинные эмоции оказалось затруднительно, потому что в этот момент Кузьминична поднесла ко рту чашку и опустила взгляд.

– Напугало, – не стала отрицать она. – Меня обеспокоило, что этот человек кому-то из вас нанесет вред.

– Как всегда, думаете не о себе, а о других.

Вера пожала плечами, так, словно о себе беспокоиться не привыкла.

– А вас? Напугало?

– Что вам сказать... Наверное, я, как и любая из здешних старух, в первую очередь почувствовала любопытство, – лукаво улыбнулась Валентина Кузьминична. – Мы ж такие: закричи кто «Пожар!», сбежимся посмотреть, а потом еще долго будем мусолить происшествие. Что поделать, наш возраст уже не балует нас событиями.

– Мне не поверили, – призналась Вера.

– Небось этот эскулап? Так ему, Верочка, надлежит верить лишь в то, что он может потрогать руками. Не берите в голову.

Кузьминична надолго замолчала, погруженная в свои мысли, но по дважды брошенным на Веру быстрым взгля-

дам та догадалась, что пожилая дама хотела ее еще о чем-то спросить, но почему-то не отважилась.

– Верочка, спасибо вам за компанию! – сердечно поблагодарила Валентина Кузьминична, когда гостя поставила на столик пустую чашку. – Не буду злоупотреблять вашим временем, вам нужно отдохнуть до вечерней смены.

– Мы увидимся вечером! – бодро сказала Вера, вставая со стула.

– Да-да, конечно! – растерянно улыбнулась Кузьминична, опять думая о чем-то своем.

– Я напомню доктору Савельеву, чтобы он заглянул к вам.

– В этом нет необходимости, но раз вы настаиваете... Тогда уж после обеда. Я сейчас немного отдохну, а после готова буду принять нашего расчудесного доктора. Скучная же у него работа – осматривать нас, старух! Ему бы девок молодых в соку, а не нас. Впрочем, девки в соку во врачах почти не нуждаются.

– Отдыхайте, Валентина Кузьминична!

Женщина лишь махнула рукой. Уходя, Вера оглянулась с порога и спросила, не нужно ли купить что-то. Частенько она выполняла просьбы стариков купить ту или иную вещь для личного пользования. Для Валентины Кузьминичны покупала тональный и детский кремы.

– Нет-нет, спасибо, детка! Все у меня есть... А пожалуй, да, обременю вас одной просьбой.

Последнюю фразу Кузьминична произнесла так, будто на

что-то, переборов сомнения, решила. Встала, подошла к шкафу, открыла дверцу, покопалась в ящике с бельем и вытащила жестяную коробочку из-под датского печенья.

– Фотографии у меня тут всякие хранятся... – пояснила она и извлекла из коробки маленькую записную книжечку в черной обложке. – Вот, возьмите, пусть будет у вас.

Вера растерянно приняла подарок.

– Ну, все, детка! Буду отдыхать, – лучезарно заулыбалась старушка. Вера сунула телефонную книжку в карман джинсов и попрощалась.

А вечером Кузьминична умерла. Спускалась по лестнице, споткнулась и при падении сломала шею.

* * *

– Скажите, разве она не прелесть?

Рука с просвечивающими сквозь тонкую, усыпанную веснушками кожу венами ласково, будто по кошачьей шерстке, скользнула по черному кожаному переплету.

– Подумать только, сколько в ней хранится тайн. Страшных, кровавых, конечно, но от этого еще более завораживающих. Вот послушайте...

Альбинос послушно прислушался, но ничего, кроме еле уловимого шелеста переворачиваемых страниц, не различил. Не рассказывала ему никаких кровавых тайн эта книга. Только вот показала. Совсем недавно и дважды. Последнее

воспоминание о лежащем на цементном полу теле молодой девушки заставило его невольно содрогнуться. «Надеюсь, с трупом у них не возникло проблем», – подумал он о своих помощниках. Ему до сих пор не позвонили с отчетом, и это тревожило. Задумавшись, альбинос не сразу заметил, что за ним пристально наблюдают.

– Какие-то сложности? – раздался внезапно вопрос.

– Нет, нет, никаких сложностей, – фальшиво улыбнулся он.

Подумаешь, малознакомая девица померла. Еще одна. Сложность это или нет?

– Надеюсь, эта... девушка не принесет нам хлопот? Я не люблю шум, знаете ли.

– Не принесет, – заверил он. Ох, хотел бы он сам быть в этом уверен.

– Смотрите... Так вернемся к нашей книге. Как видите, она уже показала свой, гм, строптивый характер.

«И не в первый раз», – кисло подумал альбинос, но промолчал. Ему здесь надлежит стоять и с подобающим видом выслушивать любой бред, любые капризы. Строптивый характер у книги – это еще придумать надо! Еще скажите, что у этой пачки истончившейся до паутины бумаги, облаченной в черную протертую кожу, есть душа.

– Не знаю, почувствовали ли вы, что в ней есть душа? Как в любой старой вещи с историей...

Ну вот, так и есть – пошли размышления про душу, исто-

рию... Бабкины сказки. Он никогда не любил сказки. И вообще, его сейчас волнует другое – удалось ли замести следы после неудачно закончившегося чужого каприза? Кто-то пальцами щелкает и прихоть свою выказывает, а кто-то потом по уши в дерьме оказывается. Альбинос мысленно вздохнул, но продолжил с делано заинтересованным выражением лица слушать то, что ему говорили.

– У меня всегда были две страсти – старые вещи и книги. А уж если это старая книга... Люблю я истории. Но не столько слушать, сколько... угадывать, домысливать, раскапывать. И у меня, знаете ли, неплохо получается. А у этой книги прелюбопытнейшая история. Вот послушайте. Она похожа на сказку. Да садитесь вы, садитесь! Вот сюда.

Альбинос послушно присел на краешек предложенного дубового табурета, тоже, видимо, «с историей». Он, наоборот, к старым вещам относился как к износившемуся хламу, от которого нужно избавляться, и никогда не понимал страсти к антиквариату. Ну что может быть замечательного, к примеру, вот в этом неудобном тяжеленном табурете, который и с места с трудом сдвинешь? А ведь наверняка найден он не на помойке, а куплен за бешеные деньги в пропахшей пылью и нафталином антикварной лавке. Раздражение закипало в нем, словно молоко, грозя выплеснуться через край в самый неподходящий момент. Но альбинос старался себя контролировать: уже где-где, но не здесь выказывать ему свои недовольства. Сказали слушать сказку – зна-

чит, придется слушать. Как миленькому или, точнее сказать, как маленькому. Все же слушать сказки – это тебе не трупы прятать. Послушает.

– А знаете, хоть этой книге века два, история ее началась гораздо позже. Со свадьбы.

Ой, гуляла свадьба! Пир на всю деревню, шумно, весело. Женили Ивана Неторопова, человека не то чтобы богатого, но и не бедного, бездетного вдовца тридцати лет от роду. Пир горой, песни, прославляющие молодых, слышны за околицей, блюда сменяют одно другое, крепкие напитки – рекой. Не поскупился Иван на празднество: пусть прославляют их с нареченной гости, желают благополучия и счастья, да и невеста, юная Марфа, пусть знает, как щедр и добр ее муж. До чего же хороша она! Глаз не отвести. Прелестна в своей юности и скромности, глаза застенчиво опускает, встречаясь с мужем взглядом, улыбается краешками губ, а на щеках алеет нежный девичий румянец. Чудо как хороша!

Четыре года Иван вдовствовал, жил небедно, торговлей потихоньку ведал, и не в убыток себе. С первой женой жил не то чтобы в раздоре, но и любви особой между ними не было. Сосватали их по юности уже покойные родители. Прожил Иван в супружестве восемь лет, детей так и не нажили. А потом умерла, промучившись с месяц болезнью, жена. Не думал Неторопов вновь жениться, но одиноко стало: не старый он еще мужик, собой не плох, достаток есть. Да и

хозяйство женщине вести куда сподручней. Собрался Иван и отправился к деревенской знахарке и известной свахе Лукерье – просить найти ему невесту хорошую, работающую, несварливую. Сваха подарок, им принесенный, приняла и ответила, что есть у нее на примете девица – в работе спорая, собою приятная. Сирота, живущая в работницах в семье Коневых, что из соседней деревни. Приданого, правда, за нее не обещают, но девица уж больно мила. Ну, если выйдет из нее жена хорошая, то почему бы и не жениться? И затеялось сватовство. Неторопов не поскупился на хорошие подарки семье, из которой собрался брат невесту, и Лукерья вместе с другой свахой отправилась сватать. Поговорили да смотрины назначили, на которые и Иван поехал. В доме невесты встретили их с почестями, проводили за стол, где уже был поставлен сладкий пирог. Нареченного жениха усадили вперед, помолчали для приличия, а затем Лукерья попросила явиться «пирожницу» – ту, которая поставила на стол угощение. Иван обратился весь во внимание, ожидая впервые увидеть свою нареченную. Одно дело – слушать рассказы Лукерьи, а другое – увидеть невесту своими глазами. А ну-ка не придется она ему по душе? А хозяйка уже выводила к столу девишку, облаченную в вышитый сарафан и белоснежную рубаху. Увидел Неторопов нареченную, замер, от восхищения дыхание аж перехватило: права была Лукерья, хороша девица. Совсем юная, тонкая и гибкая, как травиночка, идет плавно, опустив скромно голову. На ще-

ках алеет румянец, толстая русая коса с вплетенными в нее красными лентами перекинута через плечо. Все за столом встали, приветствуя девушку. А Иван, засмотревшись на красавицу, позже всех поднялся. Неужели такое сокровище – ему достанется? А Марфа подняла васильковые глаза, кротко посмотрела на него и вновь потупилась, но и этого короткого взгляда Ивану хватило, чтобы почувствовать сердечный укол. За все время обеда нареченная едва вымолвила два слова, но Ивану ее смущение и скромность только нравились: его прежняя жена была сварлива и криклива. Хорошо прошел обед, а там уже и сговор назначили, ударили по рукам да разломали пирог в знак нерушимости сговора. И принялись за приготовление к венчанию: оповестили гостей, снарядили свадебные чины, выбрал Иван в тысяцкие давнего приятеля Савву, посаженных отца и мать назначили. Накануне венчания явились в дом к Ивану свахи – свадебное ложе подготовить да защитить его от нечистой силы. Первой вошла главная сваха Лукерья с рябиновой ветвью в руках, обошла все кругом, а остальные за нею принялись готовить ложе: снопы постлали, на них – ковер, а уж сверху перины, простыни и подушки. Ивану все эти хлопоты казались далекими, будто не с ним все происходило. Мальчишеское волнение затапливало душу – такое сильное, какое он никогда в жизни не испытывал. Наряжался к торжеству, а все думал о том, что сейчас бабы под свадебные песни обряжают его Марфу в лучшее платье, в последний раз надевают ей на

голову венец – символ девичества. А нареченная в это время плачет. Согласно ли традиции или искренне, пугаясь новой жизни в замужестве? Не бойся, Марфонька, не бойся, милая, будешь ты счастлива и любима.

Всю дорогу до дома, где жила Марфа, выкуп и церемонию венчания Иван был будто во сне, до конца не веря в обрушившееся на него счастье. Робко косился на невесту, так же несмело коснулся ее уст первым брачным поцелуем. Не юный уже отрок, а робел и волновался как мальчишка.

А на обратном пути случилось нечто, нарушившее счастливый ход событий и сильно напугавшее невесту: свадебному поезду дорогу перебежал волк, остановился на обочине и вдруг оглянулся, так, словно желал поглядеть на невесту. «Ох, не к добру!» – воскликнула Марфа и крепко вцепилась в руку своего уже мужа. «Ну что ты, милая! Это просто волк, что он нам сделает? Смотри, он уже скрылся в лесу!» Иван ласково погладил ладонь своей молодой жены, желая успокоить. «Не к добру это, – опять прошептала Марфа. – Как он на нас глянул... Будто не зверь, а недобрый человек». Иван зашептал жене вновь ласковые слова, но невольно вспомнилось ему то, что говорила накануне Лукерья. «Надо бы позвать на свадьбу мельничного колдуна». Говорили, что на старой заброшенной мельнице живет отшельником колдун, который на людях редко показывается, но местные бабы изредка бегают к нему за зельем каким или с просьбой о помощи. Сказывали, что колдун тот так

страшен собой, мрачен и нелюдим, что осмеливаются идти к нему только уж в сильном отчаянии, по пустякам не тревожат. «Что ты, Лукерья? Как его звать? На светлую свадьбу – черного душой человека, антихриста? Невесту мою напугает». Лукерья, упрямая баба, поспорила, но сдалась. «Ну, гляди, как бы он не заявился непрошеным гостем, – предупредила она. – Обидится сильно, осерчает». – «Да он и знать-то не будет», – возразил Иван. И больше о том колдуне они не говорили. Лукерья выполнила все обряды защиты от нечистой силы, порчи и сглаза. Да только вот сейчас, увидев, как недобро покосился волк на невесту, Иван вновь вспомнил о том колдуне с мельницы: не он ли, обратившись в зверя, вышел навстречу их свадебному поезду? Сгинь, сгинь, нечистый!

Марфу удалось успокоить, и Иван и думать забыл о том волке. Свадьба пела и плясала, молодых прославляли, напитки лились рекой, веселились гости, а молодые, казалось, не замечали вокруг ничего. Глядел Иван на свою молодую жену, перехватывал ее нежный взгляд, и сердце его тонуло в радости и счастье.

Вдруг раздались чьи-то испуганные крики, а следом за этим наступила тишина, прерываемая лишь шепотом, докатившимся до молодых тревожной волной:

– Колдун... Колдун...

Марфа побледнела и крепко сжала мужу локоть. Иван, собрав волю в кулак, дабы своим испугом не встревожить

молодую еще больше, встал и поклонился вышедшему на середину избы незваному гостю.

– Проходи, гость дорогой, если с добром пришел. Отведай нашего угощения.

Тут же верный тысяцкий, Савва, поднес гостю чарку с крепким напитком, а Лукерья с другой стороны – кусок пирога. Гость, хмуро глянув из-под густых бровей на молодых, в ответ слегка склонил голову. Не сняв шапки, взял чарку и одним махом опустошил ее. Пирог лишь надкусил и положил обратно на блюдо. Иван смело глянул на гостя: не так уж он страшен собой, как рисовала его людская молва. Не старик столетний, а крепкий мужик, волосы, выбивающиеся из-под шапки, черны как смоль, спина не согнута еще тяжестью долгих лет. Только взгляд темных глаз недобр, пугает.

Марфа, дрожа как осиновый лист, нащупала ладонь мужа своего и сжала ее. А Иван указал рукой на свободное место за столом и пригласил гостя сесть.

– Не рад ты меня видеть, – вымолвил скрипучим голосом колдун, глядя виновнику торжества в глаза. – Нежеланный я гость. Ну что ж, у тебя я побывал. Теперь ты ко мне придешь.

Сказал и пошел прочь. Гости испуганно расступились, давая колдуну проход. Он ушел, а в комнате еще долго звенела напряженная тишина.

– Эх, напугал мне молодую! – нарочито весело воскликнул Иван, дабы прервать замешательство. – Гуляйте, го-

сти дорогие! Ешьте, пейте! Прославляйте молодых песнями!

Мало-помалу вернулось веселье, о страшном госте никто больше не вспоминал, только Марфа до конца праздника сидела ни жива ни мертва и на встревоженные вопросы мужа не отвечала.

Свадьбу отгуляли, и зажили Иван с Марфой в любви и согласии. Не мог нарадоваться на свою жену Неторопов: и красива, и скромна, и работающая какая. И к нему, мужу своему, с душой и лаской обращается. Поселилось счастье в доме, которого не было уже много лет. Да и было ли оно? Марфа – ясное солнышко, с улыбкой и песней день спозаранку встречает, все в ее руках спорится, все ладно делается. Никогда Иван не видел ее грустной или недовольной. Да и свой нрав, глядя на жену, менять стал. Ну как тут оставаться по-прежнему суровым и неприветливым, когда счастье душу переполняет? Лукерья, сваха, стала в доме их желанной гостьей, почитал ее Иван теперь как мать родную.

И все бы хорошо, жить им и дальше радоваться, да заболела тяжело Марфа. Слегла после Рождества, три месяца спустя после свадьбы. Не ест, не пьет, не встает, пылает жаром. «Ох, видно, Ванечка, не суждено нам долго быть вместе. Прощай, милый...»

III

Несчастный случай нарушил мирное течение жизни обитателей пансионата, всполошил, закрутил в печальной суете. И хоть это случилось до того, как Вера заступила в свою смену, большая часть печальных хлопот легла на ее плечи. За все время работы не было на ее памяти ночи тяжелей этой. Тело покойной давно увезли, стариков успокоили и уложили спать, а дел у Веры все не убавлялось. Они разделили с напарницей работу между собой: Ирина раздала старикам необходимые лекарства, измерила давление и температуру, выполнила мелкие просьбы перед сном, а Вера взяла на себя хлопоты, связанные с гибелью Валентины Кузьминичны: звонила родственникам (трубку снял сын, разговор вышел короткий и какой-то казенный, лишенный эмоций со стороны сына), разговаривала с двумя полицейскими. Затем собрала вещи Валентины Кузьминичны, чтобы передать их ее родным. Всю работу она выполняла механически, словно заведенная кукла, с непроницаемым лицом. И только уже после того, как закончилась смена, в салоне машины расплакалась. Каждый уход стариков Вера принимала близко к сердцу, так и не смогла привыкнуть к этой неизбежной части своей работы. А Кузьминична была ей по-особому дорога. «Она знала», – подумала Вера, глядя сквозь пелену слез на дорогу. «Вы не понимаете, деточка... Вернее, понимаете, но не

желаете принимать». Чем дольше Вера думала над словами Кузьминичны, тем больше ей казалось, что старушка вложила в них куда более глубокий смысл, чем могло показаться на первый взгляд. Но что Кузьминична знала о ней? Только то, что Вера сама могла рассказать. Но о себе она предпочитала не распространяться.

«Вы с Гаврилой чем-то похожи»...

...Ей было шесть лет, когда это случилось впервые. Тот случай разрушил атмосферу беззаботного счастья в ее семье, вспоминался в разговорах, даже когда Вера уже повзрослела.

Они жили в спальном районе на одной из конечных станций столичной ветки метро. В ту пятиэтажку родители въехали в год, когда родилась Вера, и довольно быстро подружились с соседями по площадке – молодой парой, которая свою квартиру получила в качестве свадебного подарка от родственников с обеих сторон. Вначале сдружились молодые женщины, оказавшиеся ровесницами, а следом уже и их мужья нашли общие интересы. Лет до четырех Вера так и считала соседку своей родной теткой, так как та всегда оставалась с нею, когда маме нужно было сбегать в парикмахерскую или когда родители вечером уходили в кино. Своих детей у соседей Нечаевых не было, и причина тому была медицинская, как потом, уже годы спустя, обмолвилась мама. Поэтому тетя Вита Нечаева нянчилась с маленькой Верой как с дочкой, постоянно делала ей подарки. То «гэдээровскую» куклу принесет, то игрушечную коляску, то красивое платье,

то просто шоколадку. Соседка работала в большом универсаме и заведовала одной из секций, поэтому имела возможность что-то «припрятать» из полученных дефицитных товаров, которые частенько и не доходили до прилавков, а распределялись по родственникам и знакомым. Ее муж, несмотря на молодость, тоже занимал неплохую должность на производстве. Они оба, муж и жена, происходили из небедных семей, в которых были и дачи, и служебные машины, и дефицитные продукты по спецзаказам. Однако не кичились происхождением и были на равных со своими менее состоятельными друзьями. Как-то соседка рассказала маме Веры, что и брак их был тоже тщательно спланирован родственниками с обеих сторон, но, несмотря на это, в их семье присутствовала любовь.

Когда Вере исполнилось пять лет, у соседей появилась вначале дача, а потом и машина – новенькие «Жигули». И Вера с родителями стали частыми гостями на даче. Это даже превратилось в традицию: во второе и последнее воскресенье каждого летнего месяца отправляться за город семьями, жарить шашлык, купаться, если погода позволяла, в местной быстротечной речушке. Так прошло почти два лета, и вот наступила суббота, предшествующая тому последнему воскресенью августа. В квартире Веры активно велась подготовка к предстоящему выезду. Папа готовил удочки и собирал большой рюкзак, в который свободно помещалась дочь. Сосед во дворе мыл машину. Мама мариновала дефицит-

ное мясо, которое принесла тетя Вита на шашлыки (считалось, что маринад у мамы выходит куда лучше). Соседка же на их кухне резала крупными кольцами луковицы, которые мама затем голыми руками вдавливала в сырое мясо в эмалированной кастрюле. Все находились в радостном предвкушении предстоящей поездки. И только Вера, которая всегда больше всех радовалась этим путешествиям, сидела в комнате и не выходила на кухню, хотя обычно во время сборов вертелась рядом.

– Что с тобой? – спросила мама, зайдя с соседкой в комнату. – Ты не заболела случайно?

– Нет! – буркнула девочка и залезла под покрытый скатертью с кистями стол в комнате – свой «домик», в котором пряталась, когда на что-то обижалась. Тетя Вита, присев на корточки, заглянула под скатерть и посулила надувшейся девочке пупса-младенца. Но Вера молчала и лишь сверлила молодую женщину взглядом, который той показался вдруг таким страшным, недетским, что она отпрянула.

– Почему она на меня так смотрит? – растерянно пробормотала соседка, вставая на ноги и обращаясь уже к матери Веры.

– Оставь ее, Вита, – вздохнула та. – Подуется и отойдет. Вот увидишь, завтра будет скакать и бегать как ни в чем не бывало. Стрекоза!

– Я не хочу ехать! – выкрикнула из своего укрытия девочка. – Не хочу! Не хочу!

– Но почему? – тут уже растерялась мама. Вера забилась в дальний угол, но даже оттуда ей были видны обутые в пушистые тапочки ноги мамы, которые потоптались рядом со столом, будто в нерешительности, а затем мама, как перед этим – тетя Вита, присела на корточки и заглянула под стол. Испачканные в рассоле руки она держала на весу, развернув их тыльной стороной кистей от себя, и от них исходил острый и аппетитный запах уксуса и лука. Вера сглотнула слюну: ей представилось, как папа готовит пропитанное соусом мясо, дым, подхватываемый ветром, разносится далеко за пределы дачи, щекочет ноздри, вызывает урчание в животе. Воображаемый запах приготавливаемых шашлыков смешался с запахом бензина и кожи, который витал в салоне машины соседей, с запахом речной свежести, земли и травы, и на мгновение девочкой овладела та неожиданно утраченная сегодня радость от предстоящей поездки. Вера уже подалась вперед к матери, как это ощущение сменилось другим, и девочка отшатнулась, вжавшись в стену и втянув голову в плечи от охватившего ее ужаса. Он, подобно смерчу, затянул ее в тугую воронку, сжал, словно в тисках, так что Вере стало трудно дышать. Аппетитный аромат шашлыков сменился тошнотворным запахом, который девочка не смогла идентифицировать, а глаза вдруг застило черно-красное море.

Что было потом, Вера не помнила. Очнувшись она уже в своей постели, одетая все в то же платье и обутая в тапочки. Рядом стояла встревоженная и заплаканная мама, а отец си-

дел на кровати, положив дочери жесткую ладонь на лоб.

– Пришла в себя? – тревожно спросила соседка, также находившаяся в комнате.

Отец, не глянув на нее, кивнул.

– Может, вызвать врача?

– Не надо, – испуганно отозвалась Вера. Чувствовала она себя лучше, только слегка кружилась голова да все не отпустил тошнотворный запах, след которого будто повис в воздухе.

– Я не хочу ехать! – жалобно проговорила Вера, глядя отцу в глаза.

– Хорошо, не поедем, – кивнул тот и растерянно оглянулся на жену. – Температуры вроде нет. Может, она съела что-то не то? Вера, у тебя болит живот?

Она качнула головой.

Ее переодели в пижаму и уложили спать раньше времени. Вера лежала одна в комнате, следя за тенями на потолке, которые превращались в страшные фигуры. Не помогало даже зажмуриться: тени тут же трансформировались в ее воображении в яркие, налитые красками картины, такие ужасные, что Вера боялась вздохнуть. Надо было бы позвать маму, попросить ее посидеть рядом, но мама была занята на кухне: заканчивала что-то упаковывать, шуршала бумагой и целлофановыми пакетами. Папа продолжал тихонько шебуршиться в коридоре, докладывая в рюкзак необходимые для пикника вещи. А Вера, глядя в потолок, на котором тени на-

конец-то начали сливаться в одно сплошное темное пятно, глотала слезы, но уже не столько из-за страха, сколько от осознания того, что родители не вняли ее просьбам и продолжают как ни в чем не бывало сборы. Она так и уснула – заплаканная, напуганная, совершенно не успокоенная, а просто сраженная усталостью. Но отдыхала она недолго, вскоре проснулась с жаром и тогда уже жалобно позвала маму.

Температура, несмотря на лекарство, так и не спала к утру, и внезапная болезнь дочери очень расстроила родителей. В семь утра, как и было условлено, в дверь позвонила соседка. Вера, лежа в постели, слышала, как мама огорченно говорит подруге о заболевшей дочери, затем выносит с кухни кастрюлю с замаринованным мясом, желает хорошо провести день и закрывает дверь. Девочка только тогда спокойно выдохнула, повернулась на бок, прикрыла глаза и наконец-то провалилась в сон. К тому времени, когда пришел участковый педиатр, температура у нее уже спала сама по себе. Врач осмотрел девочку и не нашел даже признаков простуды или гриппа, но порекомендовал еще день постельного режима. Выспавшейся Вере принесли по ее просьбе карандаши и альбом, и она прямо в кровати занялась рисованием. Только выходили у нее в этот раз совсем не принцессы, а другие картинки. Закусив губу, она размашисто черкала карандашом по листу, оставляя резкие штрихи, и не могла остановиться, будто некто водил ее за руку.

– Не переутомляйся, – сказала, войдя в комнату, мама.

Вера машинально кивнула и сменила черный карандаш на красный. Когда закончила штриховать лист, почувствовала себя такой уставшей, словно рисование отняло у нее все силы. Она прикрыла глаза и с удовлетворением отметила, что страшные образы уже не атакуют ее, словно остались на бумаге. И в это время раздался телефонный звонок. Вера услышала, как мама вышла в коридор, сняла трубку и сказала: «Алло!» А затем, после недолгой паузы, в которую, видимо, выслушивала то, что ей говорили, вскрикнула и запричитала. Вера осторожно встала с кровати и, подойдя к двери, замерла. Мама уже не причитала. С трубкой в одной руке и телефонным аппаратом в другой она присела на край тумбочки и, слушая то, что ей говорят, изредка кивала, словно невидимый собеседник мог ее видеть, и шепотом поддакивала. Лицо у нее было растерянным и испуганным, на щеках блестели слезы.

– Да-да, конечно, конечно... До свидания! – попрощалась мама и аккуратно соединила, будто они были половинками, трубку с аппаратом, подержала телефон в руках и затем тихонечко поставила его рядом с собой на тумбочку.

– Кошмар какой. Какой кошмар, – пробормотала она, медленно встала и, не заметив дочери, вышла в комнату, в которой отец смотрел телевизор. Вера на цыпочках шмыгнула следом за мамой. Ощущение случившейся беды тянулось из коридора в комнату шлейфом, как запах душных духов, и в ближайшие моменты грозило окутать всю их небольшую

квартиру целиком. Мама прошла к телевизору и выключила его.

– Нечаевы погибли, – сказала она, повернувшись к медленно встающему из кресла отцу. – Сейчас позвонили. Лобовое столкновение с бензовозом. На месте... Там, говорят...

Голос ее дрогнул, и она, некрасиво искривив рот, срывающимся голосом добавила:

– Если бы Верочка не заболела...

Вера тихо развернулась и вышла из комнаты. Ее вдруг бросило в жар, словно она оказалась рядом с пожаром, и страшные картины вновь возникли перед глазами: яркие всполохи и черный дым. Ее замутило. Вера с трудом добралась до своей кровати, не в силах даже позвать на помощь маму, и ничком легла в постель. Ей не нужно было спрашивать родителей, удивляться, почему они такие расстроенные, спрашивать, что случилось с тетей Витой и дядей Лешей. Она поняла, что ни тетя Вита, всегда такая красивая и пахнущая вкусными духами, не придет к ним в гости и не принесет обещанного пупса-младенца, ни дядя Леша никогда больше не будет мыть во дворе свою машину.

Постепенно дурнота стала отпускать, уводя за собой образы, как отступающая разгромленная армия. Вера лежала и ждала, зайдет ли к ней мама или нет. Может, если бы мама в тот момент пришла к ней, девочка рассказала бы ей о том, что случилось с нею. Но мама все не приходила и не приходила, и Вера, не дождавшись, уснула. А утром она уже

проснулась абсолютно здоровой.

...Вера припарковала машину и быстро шмыгнула к себе, надеясь, что соседки ее не заметят и не отвлекут распросами. Разговаривать с кем-либо сейчас ей не хотелось. Дома она умылась на кухне холодной водой, а затем включила электрический чайник. В ожидании, когда закипит вода, порылась в сумочке в поисках сигарет. Курила Вера очень редко, одна и та же пачка, забытая, могла лежать в ее сумке месяцами, пока хозяйка не вспоминала о ней после какой-нибудь особо тяжелой смены.

Вера извлекла из маленького отделения сумки пластмассовую зажигалку, а затем, думая, что это пачка, – черную книжечку. Надо же, а она совсем забыла о ней! Вера повертела блокнот, данный ей Валентиной Кузьминичной, а затем пролистала его. Ничего интересного внутри не оказалось, только несколько телефонов, вероятно, близких знакомых старушки. Правильно было бы позвонить по ним и сообщить о кончине Кузьминичны. Вероятно, она именно этого и хотела.

Клацнула клавиша вскипевшего чайника, но Вера уже набирала со своего мобильного первый номер – некой Марии Синецкой. Следом последовал номер Галины Старополовой. Обзвонив почти всех указанных в книжке людей, Вера отложила телефон, налила в чашку кипятка и опустила в него чайный пакетик. Ни сил, ни терпения заваривать чай по всем правилам не осталось, ей хотелось сладкого и горячего

чаю немедленно.

Звонки оказались неплодотворными и привели Веру в легкое недоумение. Мария Сеницына ответила, что никакой Валентины Кузьминичны не знает. Телефон Галины Старополовой оказался отключен, как и телефон некой Яны без указанной фамилии. А по номеру, значившемуся в книжке как телефон Сергея Петрова, ответила женщина и кратко сообщила, как и Мария Сеницына, что ни с какой Валентиной Кузьминичной не знакома, а Сергей Петров скончался. После чего собеседница, не прощаясь, повесила трубку.

Вера отставила пустую чашку и закурила. По двум телефонам, которые сейчас оказались отключенными, она решила перезвонить позже. Оставался еще один номер, записанный на последней странице. Вера докурила сигарету до середины, затушила ее о край блюдца и вновь взяла со стола мобильный.

Ей долго не отвечали, и когда она уже собралась отключить вызов, в трубке наконец раздалось сонное «алло», произнесенное мужским голосом. Похоже, она разбудила владельца голоса. Вера почувствовала себя неловко, но произнесла то, что говорила и предыдущим абонентам:

– Здравствуйте! Простите за беспокойство. Ваш номер записан в телефонной книжке Светловой Валентины Кузьминичны.

– В чьей книжке? – перебили ее. Вера вздохнула про себя: и этот человек тоже не был знаком с покойной.

– Валентины Кузьминичны Светловой...

– А кто это? – с недоумением спросил собеседник.

– Это... – начала Вера и осеклась. – Простите, я зря вам позвонила. Валентины Кузьминичны не стало вчера, и я обзваниваю ее знакомых.

– Но мы с ней не знакомы.

– Да-да, я уже поняла. Простите за беспокойство.

– Да нет, ничего. Примите мои соболезнования.

– Спасибо, – ответила Вера и не стала пояснять, что Валентина Кузьминична не приходилась ей родственницей. Она почему-то вдруг уцепилась за голос безымянного собеседника, как за руку друга, и не желала его отпустить. Но мужчина, проговорив дежурные слова, уже попрощался, и в трубке раздались гудки. Вера еще какое-то время их послушала, будто не веря в то, что ее оставили одну, а затем аккуратно положила мобильный на стол. Интересная вырисовывается картина. Два человека, чьи телефоны были внесены в книжку Валентиной Кузьминичной, заявили, что не были с ней знакомы. Один человек умер. По двум номерам, по которым не удалось дозвониться, Вера решила перезвонить позже.

Возможно, Кузьминична внесла в книжку полезные контакты вроде порекомендованных ей кем-то парикмахера и маникюрши, а не телефоны своих знакомых. Другого объяснения Вера не могла подобрать, как и не могла понять, зачем все-таки старушка оставила ей этот блокнот. Вера еще раз

пролистая его, внимательно рассматривая каждую страницу, даже посмотрела некоторые из них на свет, будто желая найти водяные знаки, но ничего интересного не обнаружила. Не звонить же адресатам опять с вопросом: «кто вы?» А Валентину Кузьминичну уже и не спросишь... Старческая причуда? Маленький «сувенир» на память? Может быть, и так.

Вера сполоснула чашку и блюдце под краном и убрала посуду по местам. Затем открыла окно, чтобы проверить кухню от дыма, и выставила на будильнике время: хоть следующая ночь и была у нее выходной, не хотелось проспать до позднего вечера и потом мучиться бессонницей.

Уснула она практически мгновенно, не погрузившись мягко в сон, а упав в него, словно в яму. И, может быть, пробыла бы в его черноте до звонка будильника, если бы не возникшие вдруг помехи в виде шорохов, скрипа приоткрывшейся двери и тихих шагов. Вера распахнула глаза и резко села на кровати. Спальня была пуста, и она с облегчением выдохнула: приснилось. Сон без видений, но с «озвучкой». Но тем не менее преодолела желание вновь лечь и решила проверить, все ли в порядке в доме. Однажды, вернувшись очень уставшей с работы, Вера забыла запереть дверь, и соседский кабан Петька пробрался в дыру в заборе и забрел в ее дом. Ох она и перепугалась тогда, проснувшись от довольного хрюканья и тыканья холодного пяточка в руку! Лучше проверить сейчас, не открыта ли дверь. О том, что забраться к ней мог человек, Вера даже не подумала: поселок был ти-

хим и уединенным, без случаев криминала. И в этот момент вновь послышался шорох. Вера резким движением распахнула дверь и увидела метнувшуюся к открытому окну тень. От неожиданности Вера не успела закричать и замерла на пороге безмолвной статуей. Опомнилась лишь тогда, когда со двора донесся шум мотора. Она бросилась к двери, откинула щеколду и прямо в пижаме выскочила на улицу. Вера еще успела увидеть, как от ее двора по дороге, поднимая облачка сухой пыли, уезжает на большой скорости черный джип, но номера его уже не разглядела. Вот дела... От мысли, что в то время, пока она мирно спала, кто-то с неизвестными намерениями ходил по ее дому, может быть даже заглядывал в спальню, прошиб пот. Вера вернулась в дом и кинулась проверять, все ли на месте, ничего ли не украли. О том, что ворышки вряд ли будут ездить на таких крутых машинах, Вера подумала уже когда убедилась, что и ее немногая наличность, которую она хранила прямо в кошельке, и ноутбук с мобильным телефоном на месте. Кажется, ничего не украли. Вера выдохнула с облегчением, однако по-настоящему не успокоилась: если цель неизвестных «посетителей» была отнюдь не нажива, то тогда зачем к ней забрались через открытое окно? Она бросила взгляд на стол и вдруг обнаружила, что забрали черную книжечку, которую ей отдала Валентина Кузьминична. Зачем? Что в этом блокноте такого ценного?

Спать больше не хотелось. Вера переоделась в домашние шорты и футболку, сделала на кухне бутерброд и вышла в

сад. Подставляя бледное лицо яркому солнцу, она неторопливо завтракала, при этом не переставая думать о том, что произошло. Ощущение, что ей дали всего лишь несколько пазлов из картины, не оставляло ее, и тем не менее она все же пыталась сложить из них кое-какую картинку.

Начались загадки с визита странного мужчины, который невероятным образом исчез, будто просочился в щель, улетел в форточку или растворился в воздухе. Кто он и что искал? Тот же вопрос можно отнести и к сегодняшним визитерам. И что такого ценного в черном блокноте?

Вера отряхнула колени от крошек и встала с полотенца. Стебли скошенной травы кололи ступни, но она, погрузившись в раздумья, не замечала этого и нарезала круг за кругом по небольшой лужайке между домом и грядками с зеленью. На газон упала тень от набежавшего на солнце облака. Вера, не прекращая кружения, мельком взглянула на небо: похоже, меняется погода, вон как затягивает синеву облаками. Погода менялась стремительно: еще полчаса назад Вере было жарко в майке и шортах, а сейчас она ежилась от поднявшегося ветра и с тревогой поглядывала на темнеющее небо. Быть дождю, не иначе. Ну что ж, лето тут такое, капризное, то дарит многообещающие улыбки, то в одночасье меняет настроение и выливает недовольство дождем. Вера подняла с травы полотенце и ушла в дом переодеться в соответствующую погоде одежду. Надо бы обобрать до дождя яблоки и отнести их, как обещала, вместе с сахаром бабе Шуре.

Вечер Вера провела в гостях у соседки, угощаясь молодой картошкой с солеными грибами и потом чаем со сладким пирогом. Баба Шура была мастерица не только варить вкусное повидло, но и печь пироги. Вернулась к себе Вера уже поздно, когда темнота скрыла очертания окрестностей. Она бегом пересекла соседский двор, согнувшись под хлещущим по спине дождем и загоразивая собой миску с остатками пирога, без которого баба Шура не согласилась ее отпустить. Откинула щеколду на калитке и вбежала в свой двор. Как раз вовремя, потому что в этот момент оглушительно громыхнуло и небо озарила яркая молния. Вера испуганно втянула голову в плечи: грозы она боялась с детства. И этот страх не прошел, даже когда она повзрослела.

* * *

Ночью разыгралась буря: ветер гнул деревья, срывал с них охапки листья и швырял их в окно. Дождевые капли выбивали по подоконнику частый ритм, под который можно было сплясать дикарский танец, призванный вызывать духов. Темноту ночи то и дело вспарывали всполохи молний. Громыхало оглушительно и рядом, словно громовержец Илья прознал про черные планы и метал молнии в желании сжечь дом, в котором находилась опасная книга. Его гневом пылало небо, как при пожаре. А может, где-то молния уже и попала в дерево и превратила его в пылающий факел.

В такую ночь пугливые отлеживаются под толстым одеялом, натянув его на голову. Непугливые просто спят, наплевав на грохот и мракобесие, или, разбуженные, сердятся на прогоняющий сон гром. Но есть и те, кто в такую ночь получает настоящее наслаждение от творящегося разгула стихий. Это ночь огня в камине, это ночь подогретого вина с пряностями и укутывающего замерзшие колени шерстяного пледа. И, конечно, это ночь историй. Жаль только, что единственный слушатель – чернильно-черный кот, чье громкое мурлыканье не заглушали раскаты грома. Но кот, хоть и притворялся спящим, прислушивался: дергал ухом, приоткрывал зеленый глаз. Ну что ж, кот, послушай историю. У черной толстой книги, лежащей на столике у камина, – занятная судьба.

Страшно идти, да деваться некуда: помирает Марфонька. Всякие средства испробовали и в бане парили, да все недуг не отпускает. Никак наслал колдун на молодую жену какую черноту: то ли разгневался, обиженный тем, что его не позвали на свадьбу, то ли просто от души своей безбожной зло сотворил.

Вышел Иван на рассвете: путь предстоял неблизкий и пеший. Побоялся на санях: за мельницей дорога не санная, а бросишь лошадь там – глядишь, и волки нападут. Оставил Иван мечущуюся в огневице Марфу на старуху Лукерью, надел шапку, армяк и отправился в дорогу. Лукерья его-то и уговорила. Иди, говорит, поклонись в ноги колдуну, вымоли

прощение, ежели рассерчал, задобри его подарками, уговори речами. Если он наслал недуг на молодую, то лишь он и снять его сможет.

Не хочется идти, ой как не хочется к нечестивому в берлогу, хоть и не из робких был Иван, и медведя, случилось, встречал, и волков. Да только колдун – враг куда похуже зверя. Безбожная у него душа, уморить из прихоти человека ли, птицу ли ему ничего не стоит. Шел Иван по накатанной санями дороге, а мысли были совсем негладкие. Что и как скажет он нечестивому? Задобрить ли его подарками прям с порога? А ну-ка слушать даже не станет, прогонит да проклянет вдогонку? Один раз ноги едва не развернули Ивана обратно. Но вспомнилась ему Марфа, ее лик белый с щеками румяными, выгнутые коромыслом брови и сладкие, что лесная малина, губы. Нет, не повернет он назад, если надо, упадет самому черту рогатому в ноги, не испугается, только бы Марфонька пошла на поправку.

До лесу шлось еще легко, а дальше пробирался Иван уже с трудом, выдергивая ноги из глубоких сугробов: свернул с укатанной чужими санями просеки на занесенную снегом узкую дорогу до старой мельницы. Может, летом и бегала к колдуну какая баба за зельем, да зимой смельчаков не оказывалось. Шел Иван долго-долго, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к лесным шумам: а ну-ка как не вовремя покажется хищник? Сжимал в одной руке рукоять взятого на случай волка топора, в другой нес подарок колдуну – завя-

занные в узел свежие яйца, каравай, отрез холста. Лес мирно спал, иногда вскрикивал растревоженной птицей да потрескивал от мороза. Дважды останавливался Иван – перевести дух и проверить, не сбился ли с пути. В сумерках-то легко заблудиться. Но словно черт вел его в то темное утро. Вот и лес стал редеть, и вскоре показалось широкое занесенное снегом поле, за которым темнел остов старой мельницы. Но вместо радости, что добрался, овладела Иваном опять робость: близко, близко он уже от волчьего логова колдуна. Как встретит его тот?

Нет, не уйдет он без своего, даже если проклятый молниями сыпать начнет и дьявола кликать. Решительность придала сил, Иван пересек бесконечное поле, легко перешел через шаткий мосток. Громадина уснувшей на веки вечные мельницы нависла над ним страшным богатырем, когда он приблизился к ней. Вмерзло намертво в черный лед колесо. Давно стояло без движения, еще с тех пор, когда отец Ивана был молодым. Семья мельника жила на новой мельнице за соседней деревней. А как уж поселился здесь колдун, никто не знал.

Неторопов обошел колесо, увидел три ступени, ведущие к двери, поднялся и постучал чугунным кольцом. Долго никто не открывал, так что решил уже Иван повернуть обратно. И лишь когда сошел на ступень, испытывая одновременно и отчаяние – кто теперь Марфе-то поможет? – и облегчение, что не свиделся со страшным колдуном, дверь вдруг распах-

нулась. Сама по себе. Чертовщина, да и только. Заробевший Иван перекрестился и перешагнул порог. Глаза к темноте привыкли не сразу. Неторопов сделал вслепую несколько шагов, вытянув вперед руку.

– Зачем пожаловал? – остановил его вдруг голос, такой громкий, что Иван от неожиданности вздрогнул. Глаза уже немного привыкли к сумраку, и Неторопов смог разглядеть согнутую фигуру хозяина, стоявшего в двух шагах от него.

Иван снял шапку, поклонился со всем почтением, а затем произнес:

– Дело у меня есть. За помощью пришел.

– Ну? – поторопил его колдун, потому что Иван замолчал. Не пригласил пройти дальше, не вынес огня, чтобы разглядеть гостя, не шевельнулся, так и стоял, закрывая проход. Но Иван, даже не видя глаз хозяина, чувствовал на себе его взгляд – внимательный, изучающий. Возможно, видит колдун в темноте, как кошка. С него станется.

– Жена у меня недугом страдает, – начал он. И рассказал все: зачем пришел и как долго больна жена. – Помоги, – взмолился под конец рассказа.

– Не жилища твоя жена, – вымолвил после долгой паузы колдун. Ивана изнутри будто обожгло огнем: как же так, шел он сюда за последней надеждой, путь такой проделал, а вон что выходит!

– Да как ты... – вскричал он, забывшись от горя и негодования. Колдун остановил его поднятой рукой.

– Я могу сделать так, что Марфа избавится от недуга и останется с тобой.

– Сделай, сделай! – вскричал Иван и кинулся к колдуну как к спасителю, с желанием поцеловать его руку. Но хозяин вновь остановил его жестом.

– Плату дорогую взыму, – сурово произнес он.

– Что хошь бери!

– И душу отдашь? – рассмеялся каркающим смехом колдун. Оторопел Иван, опомнился, что не к барину с просьбой явился, а к слуге дьявола, сделал невольный шаг назад. Колдун отсмеялся и перевел взгляд крепко сжатый в руке Ивана топор. И чудо случилось: пальцы вдруг ослабли и выскользнуло из них древко. Топор с глухим стуком упал на деревянный пол, вонзился острием, будто в пень, в половицу меж ступней Ивана.

– Ко мне с орудием не ходи.

– Так от волков же... – оправдался Иван, переведя изумленный взгляд с торчавшего из пола топора на попрекнущего его хозяина мельницы.

– А волк тебя не тронет. Если ко мне или от меня идешь – не тронет. Ну, готов ты заплатить цену высокую за жёну свою?

– Да, – ответил после недолгого колебания Иван. За тем и пришел. И в неожиданной бравате добавил: – Жизнью готов расплатиться!

– Горячий какой, – усмехнулся колдун и медленно прибли-

зился. – Жизнь мне твоя ни к чему. А вот...

Он не договорил. Остановившись совсем рядышком, замер, будто принохиваясь. И тихо затем вымолвил:

– Любишь ты ее сильно... Верну я тебе жену. Смотри только, не пожалей потом.

– Не пожалею! – рубанул Иван ладонью воздух.

– Ну-ну. Ступай домой. Придешь ко мне после. Я позову.

Тишину разрезал шумный звук птичьих крыльев, и не успел гость опомниться, как ему на плечо сел крупный ворон. Вцепился когтями так крепко, что Иван почувствовал их сталь сквозь толстую ткань армяка. Проклятая птица... Долбанет крепким клювом в висок – тут и смерть наступит.

– Ка-ар! – раздалось оглушительное прямо в ухо, будто ворон прочитал его мысли. То ли согласие выразил, то ли протест. Иван аж присел от неожиданности.

– Жди знака, – повторил колдун и со значением поглядел на сидевшую на плече у гостя птицу. – Что бы ни было, не откладывая явись ко мне. Иначе потеряешь жену навсегда.

Ворон сжал когти еще крепче, словно желая предупредить о чем, а затем резко разжал их и взлетел. Шумно хлопая крыльями, птица сделала круг над гостем и затем присела на плечо хозяина.

– Ну, иди, – вымолвил колдун. Иван поклонился, протянул узел с подарком, но хозяин не шевельнулся. Переступил Неторопов с ноги на ногу, не зная, как поступить: унести

ли гостинец или оставить. А ну-ка унесет, да разобидится хозяин. А с другой стороны – и знака не дал, нужен ли ему подарок. Стоит все так же, с вороном на плече, и смотрит изучающее. Иван развернулся и вышел. Топор он так и оставил торчать в половище, а узел аккуратно, прежде чем затворить за собой дверь, оставил у порога. Ну его, пусть, не принесет он ничего домой с проклятой мельницы.

Путь домой показался куда короче. Шел Иван в раздумьях и тревоге – как там Марфа? Не стало ли ей хуже? И мысли всякие блуждали в голове: колдун так и не сказал, что потребует в оплату. Жизнь ему не нужна, уже дело. А про душу спросил ли спросил? И когда позовет к себе? Не поздно ли станет? Хоть бы дал с собой какое снадобье... В избу Иван не вошел, а вбежал, не сбив с валенок в сенях снега, весь в тревоге за Марфу. Но, увидев, как Лукерья, встретив его неодобрительным качанием головы, приложила палец к губам, успокоился. Тихо подошел к лавке, опустился на колени рядом со спящей Марфой, коснулся ледяной ладонью ее пылающего лба и облегченно выдохнул: жива. «Дорого возьму», – вспомнились Ивану слова колдуна, от которых он невольно содрогнулся. Но, глядя на прекрасное даже в болезни молодое лицо жены, с бравадой подумал, что не страшно ему расплатиться с нечестивым даже собственной душой, лишь бы красавица Марфа оставалась с ним.

IV

Без Кузьминичны все шло не так, – хотя, похоже, это замечала лишь Вера. В этом заведении смерть не была шокирующей гостьей, к ее «визитам» что персонал, что сами обитатели если не привыкли, то относились более-менее спокойно. Поэтому и после ухода Кузьминичны и старики, и Ирочка вели себя как обычно. Но Вера кожей чувствовала пустоту и скорбную тишину, исходившие от закрытой двери комнаты, в которой еще так недавно отдыхала старушка. Иногда, забывшись, памятуя о чутком сне старушки, проходила мимо комнаты тихонечко, дабы не разбудить. А потом спохватывалась, и ощущение утраты вновь накатывало на кислой тоской. Скоро комнату займет новый постоялец или постоялица: в этом пансионате, несмотря на дороговизну, места долго не пустовали. Но кто бы то ни был, он (или она) не сможет заменить Вере Кузьминичну с ее рассказами, советами, пусть порой немного и по-стариковски навязчивыми, с ее легкими причудами. Да что об этом говорить! Вера тосковала, и все у нее валилось из рук. Она умудрилась разбить за смену стакан, уронить дважды на пол градусник (слава богу, не ртутный), перепутать таблетки (опять же, слава богу, Ирочка вовремя заметила ее оплошность). Всегда собранная и внимательная, она этой ночью была сама не своя. Прошлая смена была тяжелой? Нет, это сегодняшняя казалась непосильной.

– Ты из-за Кузьминичны так переживаешь? – спросила Ирочка в паузу, когда они, пользуясь тем, что старики мирно отдыхают, пили чай в медсестринской. Вера молча кивнула: что тут еще сказать... Все в пансионате знали о ее привязанности к Кузьминичне, хоть ко всем старикам Вера относилась с заботой.

– Жалко ее, – вздохнула Ирочка. В ее пока еще коротком опыте работы в пансионате эта смерть была второй, но девушка, похоже, уже стала относиться к ней спокойно.

– Алевтина из дневной сказала, что это она нашла ее. Ужасно, правда? – продолжила напарница. – Я бы на ее месте, наверное, завопила. А Алевтина молодец, не растерялась.

– Она работает здесь с самого начала. Нет, даже еще при мадам Варенниковой пришла, – ответила Вера. – А до этого сколько в районной больнице в реанимации проработала? Привыкла. Странно было б, если бы растерялась.

– А ты, ты не плакала потом, дома? Я вот немного. Представляешь? Вроде и старушка как старушка, не родная мне, не бабушка же, а я как приехала домой, так разревелась. Уснуть потом долго не могла. Вот ужас-то!

Ирочка плеснула себе еще кипятку и добавила заварки. Вера же отнесла свою пустую чашку в раковину. Вопрос напарницы она проигнорировала, вместо этого спросила другое:

– Ты Гаврилу не видела? Куда-то пропал. За всю смену

так и не появился. Вчера, в твою, не приходил?

Когда у кого-то из девушек был выходной, напарнице приходилось работать ночь одной.

– Нет. Но Алевтина вроде его видела, – хмуро ответила Ирочка. Помолчав, добавила:

– Но лучше бы он не приходил! Без него как-то лучше.

– Он-то в чем виноват, Ира? От того, приходит он или не приходит, ничего не изменится, – сердито парировала Вера. Сказала и тут же вспомнила, как сама несколько дней назад отгоняла Гаврилу от дверей Кузьминичны. Будто это могло что-то изменить.

– Все равно! Нехороший он. Если бы был просто котом... И откуда только такой взялся?

Вера промолчала, не желая развивать тему. К счастью, Ирочке тоже не хотелось говорить о Гавриле, и она вспомнила другое:

– Алевтина рассказала, что за вещами Валентины Кузьминичны приезжал мужчина.

– Сын?

– Да ты слушай! Весь из себя такой крутой, часы дорогие, телефон последней модели. А во дворе еще и машина крутая стояла, джип, с водителем.

– Сын на джипе? – удивленно спросила Вера. Сына Валентины Кузьминичны она видела лишь два раза: когда тот привез мать и когда приезжал по просьбе заведующей подписать какие-то бумаги. Оба раза приезжал сам, без водите-

ля, и на «Фольксвагене». Поменял машину? Разбогател до того, что может теперь позволить себе нанять водителя?

– Да не перебивай, – досадливо поморщилась Ирочка. – Мужчина этот сказал, что приехал по просьбе сына Кузьминичны, типа тот не может и все такое. Ну, его запустили в комнату, где вещи покойной лежали.

– Я их собрала, – кивнула Вера.

– Ну вот, ты собрала, а он все равно шкаф раскрыл, разворошил в нем все и вытащил коробку, в которой Кузьминична всякие письма и фотографии держала. Алевтину в этот момент кто-то позвал, она отошла, а когда вернулась, мужчины уже не увидела. На столе стояла коробка, в ней – бумаги, а мужчины нет. Алевтина еще подумала, что он, может, понес в машину вещи и сейчас вернется. Но заглянула в шкаф и увидела, что все на месте, только в беспорядке. А джип со двора уехал.

Джип, джип... Еще с самого начала рассказа, едва услышав это слово, Вера насторожилась. На внедорожнике приехали те, кто вторгся в ее дом. Но мало ли на свете этих джипов!

– А потом, ближе к вечеру, приехал сам сын и сказал, что никакого помощника не отправлял, – продолжала Ирочка. – Представляешь, как всполошилась Алевтина! Она же тому мужчине на слово поверила! Испугалась, что сын станет бумаги перебирать и обнаружит какую-то пропажу. Но вроде как ничего такого. Интересно, кто же тот, первый? Можно

подумать, завещание искал. Так какое у Кузьминичны завещание? Последний год она прожила тут, а сын у нее и так все отобрал.

Вера помнила рассказ старушки о том, что она отдала квартиру сыну, когда тот повторно женился. Вторая жена попалась щучка еще та, мужа обработала так, что сдал тот родную мать в дом престарелых, а сам стал жить с новой женой хоть и в спальном районе Москвы, но зато в трехкомнатной квартире. Кузьминична эту историю рассказывала будто и с юмором, и улыбалась, а у Веры все равно остался неприятный осадок. За время рассказа она ни разу не улыбнулась – хорошо хоть, что сынок нашел для матери приличный пансионат, а не сдал в государственный дом престарелых.

Ночь прошла спокойно – видимо, в качестве компенсации за прошлые беспокойные. И все же Вера, хоть почти не чувствовала усталости, вздохнула с облегчением, когда ее смена подошла к концу: тяжело находиться в этих стенах, зная, что Кузьминичны больше нет. Не привыкла еще. Не осознала. Не отпустила.

Она вышла на крыльцо и немного задержалась, доставая из сумочки сигарету – вторую за последнее время. Не подсесть бы опять плотно на табак. «Выброшу пачку от греха подальше», – подумала Вера и щелкнула зажигалкой. На ветру прикурить удалось не сразу, но наконец-то кончик сигареты затлел. Вера поплотнее закуталась в шерстяной кардиган домашней вязки и глубоко затаилась. Погода за минувшую

ночь не наладилась, наоборот, создавалось впечатление, что лето окончательно сдало позиции и ушло стремительными шагами, уступив место быстро наводящей новые порядки осени. Ветер срывал охапками еще не пожелтевшие, но с уже наметившимися светлыми пятнышками листья, кружил их вихрем и бросал в темные, будто траурные, воды озера, поверхность которого не казалась уже зеркальной из-за ряби. Дождь шел тоже осенний – моросящий. Вера сделала шаг назад, под козырек. Стоя сейчас на холоде и ветру, она растягивала предвкушение того, как скоро сядет в салон, включит печку, согреет ладони, а затем, после осторожной езды по туманной дороге, войдет в свой пахнущий травами дом, примет горячий душ и ляжет спать.

– Тетенька, тетенька, вы врач? – прокричал неожиданно невесть откуда взявшийся мальчишка. Вера от неожиданности выронила сигарету в лужу и торопливо, хоть в этом и не было уже надобности, затоптала ее и носком отбросила в сторону. Мальчишка лет десяти стоял внизу, не решаясь подняться по ступеням, и смотрел на нее одновременно с испугом и восхищением, будто на некое божество. Вера даже почувствовала себя статуей на пьедестале и, чтобы избавиться от этого ощущения, спустилась к мальчику.

– Не совсем. Я медсестра.

– Не важно! – рубанул по воздуху ладошкой мальчишка. Одет он был в промокшие джинсы, грязные на коленях, и надетую поверх футболки синтетическую спортивную кофту.

Мокрые его волосы топорщились смешным ежиком, и Вере неожиданно захотелось пригладить их ладонью.

– Там дяденьке плохо! Вы поможете ему? – голосил звонким голосом мальчишка, все так же заглядывая Вере в глаза. – Он упал и не может встать. И ничего не говорит. Я увидел его и побежал за помощью. Меня так мамка учила!

– Где этот дяденька? – встревожилась Вера, мгновенно приходя в боевую готовность. – Далеко отсюда?

– Не, вон там. На дороге.

Торопливо махнув рукой, мальчишка побежал, а следом за ним и Вера. Дорога подходила близко к территории пансионата. Движение на этом участке было не особо активным, но Вера не на шутку встревожилась, увидев, что неизвестный мужчина лежит на проезжей части. Первое, что пришло на ум: его сбила машина и скрылась с места происшествия. Вера мысленно выругалась в адрес бездушного водителя: как это – бросить человека и уехать, не попытавшись оказать тому помощь?! Счастье, что мальчик его нашел. Человек лежал на спине с раскинутыми руками, так, будто желал кого-то обнять. Вера присела рядом и легонько коснулась его рукой.

– Вы слышите меня?

Крови не видно, но у мужчины может быть внутреннее кровотечение или закрытая травма. А может, стало плохо с сердцем. Возраста он был не пожилого: лет тридцать – тридцать пять на вид, но с современным ритмом жизни сердеч-

ные приступы случаются и у молодых. Вера нащупала пульс и замерла, считая. Вроде в норме, но нужен осмотр. И не здесь. Надо перенести его в пансионат и вызвать «Скорую». А может, доктор Савельев уже подъехал?

– Беги в пансионат, позови охрану на подмогу! – крикнула она, не оборачиваясь, мальчишке, но не получила ответа. Оглянувшись, Вера обнаружила, что мальчик куда-то девался, и на дороге, кроме нее и пострадавшего, никого нет. Ну что ж, она остановит первую проезжающую машину и попросит помощи. Словно по заказу, послышался шум подъезжающего автомобиля. Вера дернулась, желая вскочить на ноги, но пострадавший вдруг пришел в себя и крепко ее схватил.

– Что вы делаете?! – возмутилась она, от удивления даже не успев испугаться. Рядом взвизгнули тормоза остановившейся машины, черная громадина заслонила собой обзор. Хлопнула дверь, из салона джипа проворно выпрыгнули двое мужчин и, легко подхватив сопротивляющуюся Веру, затолкали ее внутрь.

* * *

Старуха была назойливой до зубовного скрежета. Мало того что явилась непрошеной гостьей и испортила все дело, так еще оказалась из серии тех, от кого отвязаться не так просто. Пристала даже не с просьбой, а требованием, но что конкретно желает, так и не сказала. Вот уж поистине задала

задачку из серии «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Нет, конечно, с ним, Владом Колосовым, случилось и не такое, попадал в ситуации и куда серьезней, но дело в том, что идти на поводу у старухи у него совсем не было желания. Ему есть чем заняться и без ее просьб проследить за внученькой. И зачем за ней следить? Но тем не менее, ругаясь про себя на назойливую «гостью» и проклиная дождь, он стоял за оградой из густых кустов и наблюдал за крыльцом дома престарелых. Старуха сказала, куда ему нужно прийти, и указала час, в который у девицы заканчивается смена. И вот он стоял, ожидая непонятно чего, вернее, кого, с ощущением, что теряет время впустую. Ладно, увидит он для начала эту внученьку. А там, может, старуха откроет, зачем за ней следить. Впрочем, Влад надеялся на то, что следить дальше за девицей не придется и что вообще старуха больше к нему не придет. Нашла себе этого... блин, детектива. Какой из него детектив? Обхохочешься: он – и детектив.

Девица задерживалась, и Влад, чтобы скоротать время, гадал, зачем старухе понадобилась слезка. Может, девица сперла у любимой бабули бриллианты и спрятала куда-то? Книжная версия. Хоть детектив заворачивай. И Влад завернул: от скуки придумал целую историю, в которой несчастная старуха становилась жертвой жадной и жестокой внучки, и даже себе роль отвел – главную, конечно. Придумал, как следит за девицей, которая штучка еще та, стерва и дрянь (но, надо сказать, очень привлекательная дрянь: с фигурой и

лицом топ-модели, с шикарной гривой темных волос). А затем он выходит на след банды, занимающейся сбытом краденых драгоценностей за границу, сражается с главарем, разбивает сердце красотке-стерве и выходит из всех передряг победителем. История Владу так понравилась, что он, заметавшись, перестал обращать внимание и на противный мелкий дождь, и на ветер с холодом, от которого коченели руки. Может, он бы сочинил и вторую часть этого «детектива», если бы на крыльце в этот момент не появилась девушка. Влад в первый момент даже не сразу сообразил, что эта девица может быть той, которая ему и нужна: так уже успел сжиться с придуманным образом. Вышедшая же на крыльцо девушка на роль стервы, укравшей бриллианты в его истории, совершенно не тянула. Он бы назначил ее какой-нибудь библиотекаршей-свидетельницей, и не более (и дальше по сюжету пристрелил – в память о навязанной ему ее бабулей просьбе, заставившей его тащиться сюда в такую рань и непогоду). Такая не то что бриллианты не украдет, бесплатно из Интернета фильма не скачает. С фотомodelью девицу роднил разве что рост: внученька была высокой. Но и только. Фигуру скрывала бесформенная кофта домашней вязки, никак творение любящей бабушки, волосы, хоть и черные, оказались остриженными и торчали на затылке, как у какой-то пташки, лицо ее тоже, насколько Влад мог разглядеть из укрытия, оказалось не особо примечательным. Одним словом, героиня не его романа. Впрочем, вряд ли бы стерва-красавица-по-

хитительница-бриллиантов стала работать в доме престарелых. Так что зря он размечтался.

Девушка тем временем не спешила уходить. Достала из сумочки сигарету и закурила, заставив Влада поморщиться: курящие девушки ему не нравились. Проигрышный вариант. Он надеялся хотя бы на то, что следить ему придется за красоткой, а тут не девушка, а стриженое недоразумение в бесформенной кофте. Ну что ж, пожалуй, ему пора: полюбовался – и хватит, познакомился, так сказать, заочно, и домой. Не провожать же ее ему до дома? Влад уже было развернулся, чтобы уйти, но в этот момент к крыльцу, прыгая прямо по лужам, примчался мальчишка лет десяти и завопил на всю округу о том, что кому-то стало плохо. Девушка мигом сорвалась и помчалась на помощь. Влад пару мгновений поколебался, как ему поступить: идти ли следом или отправиться, как и желал, домой, и все же последовал за девушкой, неторопливо, на расстоянии, чтобы она его не увидела. А дальше все случилось почти так, как он себе нафантазировал: рядом с девушкой резко затормозил джип и двое молодцов оперативно затолкали ее в салон.

– Во дела! – удивленно присвистнул Влад. И быстрее, чем успел подумать, на кой ему сдались такие приключения, ринулся к кустам, в которых прятал мотоцикл.

Туман, который изначально мешал пути, сейчас сыграл роль хоть и ненадежного, но некоего подобия прикрытия на безлюдном участке дороги. Ехать приходилось с двойной

осторожностью: не попасть бы из-за погодных условий в аварию и не оказаться замеченным людьми из джипа. Поэтому Влад держался на расстоянии, не столько следя за идущим впереди внедорожником, сколько стараясь предугадать его дальнейший маршрут. А джип, обогнув озеро, выбрал на развилке не ту дорогу, которая вела в поселок, а другую. «Куда это они ее?» – обеспокоился уже всерьез Влад, когда джип выехал на загородную трасу. Вряд ли те, из джипа, друзья девушки, иначе бы обошлись с нею куда вежливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.